

Проект
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

Мозоры

Николай Желунов

СЕРДЦЕ СУМРАКА

Дозоры

Николай Желунов

Сердце Сумрака

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Желунов Н.

Сердце Сумрака / Н. Желунов — «Издательство АСТ»,
2019 — (Дозоры)

ISBN 978-5-17-120070-1

Двенадцатилетний сын Ночных дозорных не хочет идти по стопам родителей; он мечтает о мире для Света и Тьмы, но в его ауре мерцают все цвета спектра – несформированная судьба. Здесь – тайна, корни которой скрыты в веках. И платой за прикосновение к тайне может стать жизнь. Герои Тайного Дозора пережили штормовую весну 1998 года – но мрачное пророчество легло тяжелым грузом на их души. И вот, семнадцать лет спустя, призраки прошлого появляются снова. Набравшая силу Инквизиция все строже следит за Дозорами – но, когда ударит колокол рока, земля задрожит под ногами у правых и виноватых, у преступников и судей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120070-1

© Желунов Н., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Николай Желунов

Сердце Сумрака

Серия «Дозоры»

Автор идеи С. Лукьяненко

Серийное оформление А. Фереца

Художник А. Гайворонская

Компьютерный дизайн К. Пасаданяна

Художественное оформление макета Е. Климовой и А. Булгаковой

© Н. Желунов, 2019

© С. В. Лукьяненко, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Данный текст рекомендован для изучения всем Иным.
Инквизиция*

Пролог

Листая страницы памяти в поисках точки отсчета, приведшей к катастрофе, я неизменно останавливаюсь на конце декабря 2008 года.

Мы с пятилетним Огоньком бесцельно шагаем вдоль берега моря – и волны перекатывают у нас под ногами камешки с тихим звуком «ш-ш-ш-шу». Зимний пляж превратился в пустыню, протянувшуюся на многие километры от Севастополя до Евпатории, лишь чайки кружат над обглоданными прибоем глыбами песчаника. Невидимое солнце скользит за облачной поволокой, и сырой, пробирающий до костей бриз гоняет над черными горбами волн призрачную тень тумана. На губах привкус соли. Я смотрю на горизонт – туда, где исполинская скала рухнула когда-то в воду, словно павший в битве атлант, и застыла фантастическим изломанным силуэтом. Тысячи лет волны пытаются растащить ее на куски, оплетают канатами водорослей базальтовые мышцы мертвого великана, крутят пенные водовороты. Тщетно.

Огонек тянет меня за палец:

- Папа, почему в кино всегда снег на Новый год – а у нас нет?
- Потому что мы живем на юге. У нас снег выпадает редко и сразу тает.
- Превращается в воду?
- Да. Снег – это замерзшие капельки воды. Очень красивые.
- А юг – это Крым?
- Юг – это место, где всегда тепло.

Сын недоверчиво косится на меня, кутаясь в куртку. Я прячу усмешку – в Москве сегодня минус двадцать пять, а в нашем пляжном захолустье весь декабрь температура не опускалась ниже нуля.

- Папа, ты видел снег?
- Конечно. Раньше мы с мамой жили на севере, где зимой полно снега.
- А снеговика лепили? Как Кевин в «Один дома»?
- Спрашиваешь.

Огонек пыхтит мечтательно:

- Было бы здорово скатать снеговика!

Я обнадеживаю его:

- Когда-нибудь съездим в Москву к бабушке и дедушке. Там этого снега...

Но сам понимаю – мы не поедem. Даже приближаться к столице – слишком большой риск. Пресветлый Гесер не простил моей жене Нелли кражу ценного артефакта, и приказ об ее аресте все еще в силе. В памяти проносятся образы прошлого: лица погибших друзей из Тайного Дозора, грандиозный шабаш в «Лужниках» на Вальпургиеву ночь 1998 года, глумливая ухмылка Темного мага Дориана на заляпанных кровью губах – пока он жив, моя семья не может чувствовать себя в безопасности. Жесткое, словно высеченное из камня, лицо моего бывшего начальника, Скифа, с черной повязкой на выбитом глазу. Изредка я приезжаю в столицу, и каждый раз он ищет встречи со мной, но на вопросы о моей жизни в Крыму я отвечаю уклончиво. Тайный Дозор мы не поминаем.

Конечно, ведь Тайных Дозоров больше нет.

Или Гесер хочет, чтобы все так считали.

Ш-ш-ш-шу... ш-ш-ш-шу... – вкрадчиво шепчет прибой.

– Мама! – Огонек бросает мою руку и бежит прочь от берега тонкой тропкой вверх по расщелине. Края обрыва нависают над тропой с двух сторон, как бастионы двух вознесшихся к небу крепостей: одна из светлого песчаника, вторая из темного камня, – на их фоне фигурка сына кажется маленькой и беззащитной. Я иду следом.

Высоко на краю обрыва замер тонкий силуэт. Нелли зябко обхватила себя за плечи и напряженно смотрит вдаль, ощупывая взглядом туманную пелену над морем. Соленый ветер запутался в ее длинных, белых как лен волосах.

– Что-то случилось? – спрашиваю тихо.

– Ничего, Матвей, – так же тихо отвечает Нелли, но в голосе ее нет уверенности, – ровным счетом ничего.

Стоя рядом с нею, я долго вглядываюсь в серое мельтешение Сумрака над морем, и сомнения начинают одолевать меня. Что-то виднеется вдали, среди волн... может быть, то северный ветер пригнал синие льдины от далеких берегов... или хищные птицы дерутся в тумане над трупом дельфина...

Или это только обман зрения.

Ш-ш-ш-шу... ш-ш-ш-шу...

Между моих лопаток быстро скатывается холодная капля пота.

– До вешних зорь почил сей брег унылый, – говорю я, чтобы разрушить молчание, – лишь глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах.

– Аминь, – Нелли кивает, стряхивая наваждение, – пойдем и мы спрячемся до весны... Ну, что? Здесь кто-нибудь хочет пиццу с грибами и сыром?

– Я хочу! – кричит Огонек. – Папа, а что такое брег?

Мы шагаем к нашему дому с зеленой черепичной крышей, и сын со смехом повисает между нами, вцепившись в наши руки.

Вскоре мы едем в Севастополь и гуляем по набережной. Людей много: выходной день, солнечная погода. Огонек носится за голубями, ест сахарную вату и перебегает от одной сувенирной лавчонки к другой, с восхищением разглядывая игрушки. В тихой Каче жизнь скучновата, и редкие вылазки в город для него – праздники. Мы с Нелли на минуту задерживаемся у кафе, изучая меню, – и вдруг я замечаю, как лицо жены стремительно бледнеет.

Я оборачиваюсь, готовый ко всему.

Огонек живо обсуждает что-то со смуглым костлявым мальчишкой лет семи. Они обмениваются игрушечными пистолетами, и новый знакомый показывает нашему сыну, как крепится к стволу оптический прицел.

Аура мальчишки – густо-серая, с черной окантовкой. Темный!

– Ты приехал отдыхать или здесь живешь? – спрашивает он.

– Я живу... – начинает Огонек, но в этот момент Нелли подхватывает его на руки, словно грудничка, и почти бегом уносит прочь. Темный мальчишка с изумлением смотрит вслед.

«Возможно, это ничего и не значит, – думаю я. – Он признал в Огоньке будущего Иного и, естественно, потянулся к нему. Свет и Тьма! Да они же просто маленькие мальчишки с пластмассовыми пистолетиками...»

Но вся наша жизнь теперь становится другой. Мы не забыли пророчество. Рано или поздно мы с Нелли столкнемся с чем-то поистине ужасным – из-за того, что полюбили друг друга. И никуда не уйти от предположения, что это может быть связано с нашим сыном. Мрачное прошлое снова коснулось нас ледяным дыханием. Пусть наш дом надежно защищен – но на любой магический барьер найдется магический таран. Я держу один пистолет в прихожей, в сейфе, второй – в ящике у изголовья кровати в спальне. Нелли по утрам выполняет упражнения с катаной... но мы оба знаем: враг любит нападать большими силами – а у нас лишь два клинка и три ствола.

Вечером тридцать первого декабря я прошу Огонька выйти с закрытыми глазами на крыльцо. Когда он открывает глаза – вскрикивает от радости. Наш двор, ветви абрикосовых деревьев и крыши соседних домов покрыты пушистым белым снегом. Косматые снежинки, кружась, падают с неба, и Огонек ловит их ртом, с изумлением разглядывает мельчайшие льдистые узоры на рукаве куртки. Слепив снеговика, мы возвращаемся домой – счастливые и мокрые.

– Не делай так больше, – шепчет Нелли, – во всем Крыму ни снежинки, а нас завалило. Даже дураку ясно, что здесь магия.

– Мало ли колдунов в Крыму, – возражаю я, – уже нельзя ребенка порадовать снегом в новогоднюю ночь?

– Пожалуйста, не надо, Матвей. Мне страшно.

Я молча качаю головой. Что же нам теперь, вообще отказаться от магии? Мы и так ее используем нечасто. Вылечить заклятием насморк, склеить разбитую чашку... а еще я порой навешиваю над женой «сферу невнимания»: когда Нелли выходит в купальнике на пляж, мужчины вокруг становятся назойливо общительными. Вот и все колдовство, что мы позволяем себе.

Немного не дотерпев до курантов и речи президента по телевизору, Огонек засыпает за столом, и я уношу его в кровать.

Мы допиваем шампанское и отправляемся в спальню. Занимаемся любовью, а после долго шепчемся в темноте, перебирая воспоминания, словно выцветшие фотографии. Еще один год ушел в прошлое. Неподалеку все так же мерно вздыхает море (ш-ш-ш-шу), но грохот волн стал громче – к полуночи усилился ветер. Штормовые порывы проносятся над длинным изломанным берегом, вздымая песчаные смерчи, срывая с обрыва камни и бросая их в соленую пучину. Но в нашем доме – сонный покой и тепло. Я понемногу соскальзываю в дрему...

...и слышу тихий звук из комнаты сына.

Стук в окно.

Он повторяется – тревожный, настойчивый, четкий.

Тук-тук-тук.

Нелли уже стоит в коридоре – по голым плечам рассыпались светлые волосы, – и катана в ее руке сверкает лунным серебром.

Я достаю пистолет. Мы неслышными тенями вползаем в комнату Огонька.

Он спит, разметавшись в кровати. В Сумраке переливчатым теплым светом сияет над ним аура – очень редкая радужная аура будущего Иного с несформированной судьбой. А за двойным стеклом, на подоконнике, примостился огромный ворон. Он пристально смотрит на нас черным лукавым глазом, и я вижу в нем насмешку. В печной трубе злобным воем заходится ветер, обещая беспокойную ночь всем, кто сейчас в море. Ворон снова стучит клювом по доске, а затем тяжело взмахивает крыльями и растворяется в бескрайнем облаке мрака над закипающей штормом пучиной.

– Это просто птица, – говорю я Нелли, – всего лишь птица.

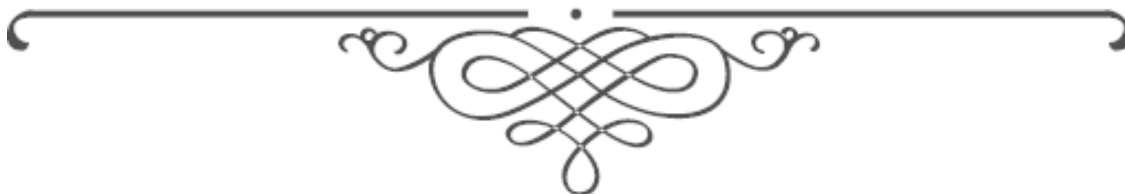
Но мы оба знаем, что это не так.

Часть 1

Попытка к бегству

Глава 1

*Санкт-Петербург, набережная реки Карповки, 30
19 сентября 2015, 21:36*

Вкус крови на губах.

За стенкой ударил исполинский колокол, разрывая барабанные перепонки. Прокатилась по квартире упругая обжигающая волна – и пала тьма.

В безмолвии комаром звенело эхо.

Багровый водоворот... едкий запах горелого пластика... и соленый вкус крови.

Неужели это – смерть?

Нелли вздрогнула, жадно втянула воздух в легкие.

Сразу же пришла боль, давящая, пульсирующая – отзвук свирепой колокольной затрепщины. Боль приливами скручивала тело, сосредоточивалась в висках и кончиках пальцев. Боль сочилась из носа горячими каплями.

Жива!

Преодолевая тошноту, Нелли открыла глаза.

Она сидела на кухонном полу, среди битого фарфора и кусочков мелко рубленных овощей для салата. Под окном – опрокинутая табуретка. Над ней цветастая занавеска с черным дымящимся краем.

Пошатываясь, Нелли встала на ноги. Безотчетным движением, опалив руку, сорвала тлеющую занавеску, выключила газовую плиту.

Они нашли нас!

В глазах расплывались огненные круги боли.

Держась за стену, она вышла в коридор. По лицу текло горячее, соленое – вытерла, бросила взгляд на ладони: пальцы были в крови.

– Огонек, – позвала срывающимся шепотом.

Он стоял в проеме двери: целый и невредимый, лишь слегка испуганный подросток с планшетом в руке.

– Ты слышала, мам? Как будто гром ударил. А небо ясное...

Гром ударил. Они нашли нас!

Да, бомба взорвалась в Сумраке – но удар был такой силы, что его отзвук прорвался в физический мир, и его слышали обычные люди... такие, как Огонек.

– Мам, у тебя кровь носом идет.

– Одевайся, Ярослав. Быстро.

Он подчинился, не задавая вопросов. Если мать назвала его не по прозвищу, а по имени – дело и правда серьезное.

Нелли понимала: времени на сборы нет. Район наверняка окружен. Заклинанием остановила кровотечение. Схватила куртку, оружие. Заглянула в сейф – все амулеты были пустыми, холодными, как камни на дне ручья. Логично – бомба высосала из них всю Силу. Прикрывая собой Огонька, Светлая Иная толкнула тяжелую стальную дверь, выскользнула из квартиры на лестничную клетку. Скомандовала:

– Закрой глаза, сын.

Трупы Темных были повсюду. Трое или четверо погибли у самой двери, от них остались лишь почерневшие кости да вонь паленого волоса. На площадке этажом выше тлела какая-то неясная груда.

– Давай руку и держись позади.

Осторожно ступая по лестнице, мать и сын обошли переломанное, словно из мясорубки, тело вампира. Его изорванные кожистые крылья все еще мелко подрагивали. Упырь был очень силен – но до смерти ему оставались мгновения.

Где-то наверху скрипнула дверь, и забубнили испуганные голоса:

– Нина Порфирьевна, вы слышали?

– А что случилось? Газ взорвался?

– Ох, как бы не пожар. Горелым-то как воняет на все парадное. Звоните ноль-один...

Мощную сумеречную бомбу спрятал на потолке над входом в квартиру муж Нелли, Матвей Гордеев. Бомба не могла причинить вреда обычным людям, но никто из Иных в радиусе нескольких десятков метров не должен был уцелеть. Если только он не находился в квартире Гордеевых – ее закрывал целый каскад защитных заклятий.

– Если кто-то попытается проникнуть к вам без приглашения – пусть пеняет на себя, – сказал Матвей, – будь он Темный, Светлый или Инквизитор. Впрочем, никто не придет. Никто во всем мире не знает, что вы здесь.

Итак, Матвей ошибался.

Выставив перед собой серебряный револьвер, Нелли шла вниз, этаж за этажом. Обожженная рука ныла, в висках стучали тяжелые молоточки боли.

Нужно просто убраться как можно дальше отсюда. Потом зализеешь раны.

Еще один лестничный пролет – и еще трое мертвых Темных.

– Не смотри вниз, Огонек.

– Я не боюсь.

Много, как их много! На Иную пятого уровня и двенадцатилетнего мальчишку спустили целую свору. Все – матерые, хорошо вооруженные бойцы. Это их не спасло. Сын не задавал вопросов. Он не был Иным (отец не спешил его инициировать), но знал о них от родителей. Знал о Дозорах.

Первый этаж. Ржаво скрипнула дверь, и в темноту подъезда пролился бледный свет уличных фонарей. Нелли опасливо выглянула во двор... еще несколько Темных лежали там в позах, не оставлявших сомнения: они умерли быстрой, но мучительной смертью.

Неужели все? Никого не осталось? Сердце забилося безумной надеждой.

– Погоди-ка, мам, – позвал Огонек сиплым голосом, – смотри...

Там, где заканчивалась лестница, на грязной выщербленной плитке лежало худенькое тело. Девочка лет восьми или девяти в легком домашнем платье. Нелли сжала ее холодное запястье: пульс был едва ощутим.

Сквозь ужас и тревогу пробилося изумление.

Девочка была Иной. Светлой!

Невероятно. Как она выжила при взрыве?

Подумаешь над этим потом.

Нелли подхватила девчонку на руки...

...и услышала во дворе шум. Кто-то вполголоса, по-военному, отдавал команды.

– Ярик, быстро в подвал.

Путь к отступлению под землей показал ей Матвей – вчера, перед отъездом в Москву, «на всякий пожарный». Дверь с перекушенным замком легко распахнулась, и беглецы оказались среди затянутых паутиной труб и влажных стен. Спустя несколько минут они выходили из подъезда дома № 54 по Чкаловскому проспекту, уже за спинами своих преследователей – навстречу сгустившейся осенней ночи.

* * *

Ледяной ветер с Балтики швырял в лицо капли дождя, пронизывал до костей – но Нелли почувствовала себя лучше: кровотечение из носа прекратилось, и мысли перестали путаться.

Матвей защитил нас, но убил множество Темных. Не важно, с какими целями те явились – Дневной Дозор Петербурга уже, конечно, поднят по тревоге. Нас будут искать исступленно, кипия желанием отомстить за сгоревших в пламени взрыва соратников. В городе оставаться нельзя.

Но как маленькая Светлая девчонка оказалась среди Темных боевиков? Почему все нападавшие погибли, а она жива?

Черная кошка бросилась под ноги Нелли, перебегая дорогу по своим делам. Почуяла Светлую ауру и с шипением отпрянула.

– Брысь, нечисть!

Они скользнули в подворотню. Женщина ощупала лицо сына, плечи, грудь:

– Скажи мне, что ты цел.

– Я в полном порядке.

– Крови нет?

– Ни царапины, – мальчик нахмурил светлые брови, – что ты со мной как с маленьким?

– А ты уже большой, хочешь сказать?

– Большой! И помощь нужна не мне, а тебе!

Три длинных черных автомобиля, разбрызгивая лужи, пронеслись по улице.

Это за нами. Поторопись.

Светлая волшебница осмотрела девочку. Та оставалась без сознания. Бледное тонкое личико, густо усыпанное веснушками, рыжие локоны и ресницы, нежные лепестки ауры – похоже, ее только сегодня инициировали. Что успели увидеть детские глаза? Если оставить ее здесь – Темные найдут. Девочка так слаба, что достаточно не оказать ей помощь, и она сама погрузится в Сумрак навсегда. Нелли прикинула шансы спастись с ребенком на руках... но нет, бросить девочку умирать она не могла. Нужен кто-нибудь из Светлых, кто угодно: передать ему малышку – и бежать.

Использовать магию – опасно. Ее могли почуять. Но еще опаснее – пробираться темными улицами без всякой защиты.

Описание твоей внешности у них, конечно, есть. Значит, с этого и начни.

Ее губы шевельнулись – и Сумрак пришел в движение. Он жадно пил струйки Силы, взамен давая Нелли новое обличье.

Вскоре из подворотни появилась смуглая цыганка в нейлоновой куртке. На руках у нее – закутанная в пуховой платок черноволосая девчушка с косичками. Следом шел цыганский подросток в выдавшем виды пальтишке и большой не по размеру кепке. В дополнение к «хамелеону» Нелли набросила «сферу невнимания» – так она чувствовала себя хоть немного защищенной. От сильной поисковой магии «сфера» не спасет.

На них охотились – но до поры Нелли везло. Она замечала Темных издали и вовремя сворачивала в сторону.

– Куда мы бежим? – спросил «цыганенок». – У тебя есть план?

Женщина не ответила. Руки ныли от усталости: девочка уже не казалась такой легкой. Но бросить ее на улице невозможно. Даже если отвезут к врачу – она скорее всего не дотянет до утра, потому что тут нужен не простой врач. Добраться до офиса Ночного Дозора на Литовской улице? Во-первых, далеко. Во-вторых, Нелли там могут арестовать. Хоть бы один Светлый попался на пути...

От усталости и отчаяния она потеряла бдительность – и не заметила, как возле метро «Петроградская» у них появился спутник. Мужчина в старомодной шляпе и сером пальто тенью скользил за женщиной с двумя детьми; он достал смартфон и быстро заколотил пальцами по экрану.

– Мам, – тихо позвал Огонек, – оглянись.

Нелли опустила руку в карман (там лежал револьвер).

Спуститься в метро – о нет! Мысль о подземелье подняла из глубины подсознания дрожь клаустрофобии. Слишком легко там загнать жертву в западню. Стрелять? Но Темный тоже откроет огонь и может попасть в детей...

Она обернулась, готовая к стычке.

Темный стоял на тротуаре, облитый липким неоновым светом с вывески над книжным магазином «Буквоед», – и смотрел им вслед. Усмехнулся, демонстрируя пару острых клыков.

«Сфера невнимания» не спасла.

Не давая ужасу сковать себя, Нелли бросилась к припаркованному у автобусной остановки такси, втокнула на заднее сиденье сына, втиснулась сама. Голова девочки безвольно покачивалась у нее на плече.

– Московский вокзал, скорей!

Таксист, коренастый, коротко стриженный мужичок, не заметил ее появления в салоне. Он увлеченно изучал на экране смартфона ставки на футбольные матчи.

«Сфера!» Сбрось ее!

Нелли сняла заклятье и похлопала таксиста по плечу.

Мужичок обернулся, смерил пассажиров недоверчивым взглядом:

– А деньги у вас есть, бродяги?

Он уже собрался выставить «цыган» на улицу, но встретился взглядом с Нелли – и вдруг лицо его стало безмятежным и сонным; сразу же такси сорвалось с места, словно гоночный болид. Сквозь покрытое каплями окно волшебница видела, как Темный бежал за ней, – но машина стартовала у него из-под носа; преследователь снова схватился за смартфон.

Сейчас скинет номер и марку такси всем своим друзьям. Меняй машину.

– Остановись, – скомандовала Нелли спустя три минуты и два перекрестка.

Поздно. Выйдя из такси, она увидела впереди слепящие огни фар. Черный «Гелендваген» выкатился из переулка и, набирая скорость, понесся навстречу.

Все, что успела сделать Нелли, – схватить детей в охапку и забраться на заднее сиденье припаркованного позади такси автомобиля, серебристого «Лексуса RX». Сидевший за его рулем мужчина в деловом костюме немедленно покрылся пятнами и закричал:

– Какого дьявола! Убирайтесь!

– Глуши мотор, – тихо сказала Нелли, – заблокируй двери.

Глаза мужчины потухли.

– Слушаюсь, – произнес он неожиданно тоненьким, каким-то цыплячьим голоском, – простите, не сразу признал...

Реактивный гипноз работал порой странным образом. Сейчас человек принял волшебницу за кого-то знакомого. В его подсознании обитал некий образ, которому он готов был беспрекословно подчиняться, – и мужчина связал Нелли с ним.

– Хотите сигарету? – дребезжал он. – Хотите жвачку? У меня есть сок, к сожалению, теплый, но...

– Замолчи и спрячься.

Двигатель стих. Щелкнул блокиратор дверей. Владелец «Лексуса» лег на передние кресла и накрылся газетой.

Сквозь шелест капель дождя беглецы слышали, как хлопнула дверь «Гелендвагена». Свет фонаря заслонила тень.

– Вытащи водилу, – бросил угрюмый бас, – вы двое – проверьте дворы вокруг. Сучку можно в расход, щенка брать живым.

Мозг Нелли напряженно работал. Она успела снова набросить маскировочное заклятие – и сквозь Сумрак Темные не могли увидеть ее и детей (если не использовать специальные поисковые заклинания), – но «Лексус» стоял совсем рядом. Если кому-то из преследователей придет в голову проверить машины вокруг? Оставалось надеяться, что они не задержатся здесь долго. В салоне было душно и пахло вьевшимся сигаретным чадом. На зеркальце над лобовым стеклом покачивался освежитель воздуха «елочка» с рекламой страховой компании, под ним игрушка на нитке – шkodливый чертик в кепарике с надписью на животе «Деньги есть? А если найду?».

Нелли нащупала в темноте руку сына и сжала ее.

Не двигаться. Громко не дышать.

Бас пророкотал что-то, в ответ раздалось невнятное бормотание таксиста. Он все еще находился в состоянии постгипнотического шока. В любом случае рассказать он мог мало.

Завизжали тормоза, и снова захлопали дверцы машин. Пространство вокруг «Лексуса» быстро наполнялось тенями; они закрыли свет фонарей. На тротуаре, на стриженной траве сквера, на залитой лужами дороге собрались не меньше двадцати вооруженных мужчин и женщин.

Хорошо, что льет дождь – иначе они учуяли бы наш запах.

– Какие новости?

Нелли почувствовала, что близка к обмороку. О, этот бархатный глумливый голос был ей слишком знаком.

Дориан...

Сердце словно сдавила ледяная рука. Стало трудно дышать. Зачем, зачем они не бежали прочь, зачем спрятались здесь? Он, конечно же, почует их, он – сам дьявол.

– Предположительно, – отвечал угрюмый голос, что отдавал ранее приказы, – они ехали в этом такси.

Мать и сын переглянулись.

Они не уверены, что это были мы.

– Почему ты еще не выяснил это, оперативник? – голос Дориана стал холодней.

– Мы прибыли минуту назад...

– За минуту даже мелкий колдунчик успеет просочиться в канализацию. Ты что, никогда не допрашивал с пристрастием?

– Допрашивал, но...

– Ты чего-то боишься, малыш?

– К дьяволу это дерьмо, – начал закипать оперативник, – здесь всюду Ночной Дозор... быстро вскроешь ему память – мозги выкипят. Светлые этого так не оставят. Ты сегодня приехал в Питер и завтра свалил, а нам тут жить.

– Смотри и учись, трусишка, – снисходительно бросил Дориан.

Нелли вся обратилась в слух. Злосчастный водитель такси застонал, как при сильной зубной боли, – и вдруг закричал истошно, жутко, словно его окунули в кипящее масло. Сумрак клокотал. Тени вокруг такси подались в стороны.

Лицо Огонька во мраке казалось белым. Нелли осознала: «хамелеон» больше не действует, к ним вернулся настоящий облик. Волшебство рассеялось – слишком слабой, слишком усталой была она, когда сплела его. Держится ли еще «сфера невнимания»?

Вопль таксиста оборвался, за ним последовал звук упавшего тела.

– Ошибки нет, – весело сообщил Дориан, – они были почти у нас в руках. Ищите, ищите – они где-то здесь, совсем близко! Мамашку принесите мне, можно частями. Но мальчуган нужен целым и невредимым, – голос Темного мага упал, – найдите пацана – иначе нас всех ждет кое-что похуже смерти. Ну, разойдись!

Топот и гул голосов... агенты Тьмы разбежались. Сразу стало светлей – и как будто бы легче дышать.

Ушел ли он?

Нелли, кусая губы, смотрела на струйки дождя на стекле. Горячая капелька пота прокатилась за ухом, юркнула за воротник.

Кто-то остался у машины: тень закрывала оранжевый свет фонаря. Вот он нагнулся – по-видимому, над телом таксиста.

Он здесь.

Светлая Иная осторожно извлекла из-за пазухи маленький, пахнущий машинным маслом револьвер.

Если эта тварь рискнет коснуться Огонька – я выпущу все шесть пуль в его черные безумные глаза.

В этот момент девочка застонала и шевельнулась у нее на руках:

– Мама... мамочка, меня тошнит...

– Тише, пожалуйста, – зашептала Нелли, – тише, маленькая.

Девочка с удивлением и страхом взглядела в ее лицо:

– Вы кто такая? Где я?

– Я друг, – Нелли попыталась выдавить улыбку, – не бойся. Здесь рядом – очень плохие люди, ищут нас. Пожалуйста, тише...

– Бандиты?

– Да.

Девчонка на миг замерла, хлопая длинными ресницами, – но не удержалась и всхлипнула.

Сейчас, сейчас он услышит.

Опасность заключалась и в том, что девочка была Иной. Она могла – даже ненамеренно – уйти в Сумрак и таким образом сразу же выдала бы их: магическую активность Темные почувствуют.

– Тише, тише, моя хорошая.

– Где моя мама? – спросила девочка сквозь слезы.

Слишком громко!

– Я знаю тебя, – вдруг зашептал Огонек, – ты ведь Лина, так? Из шестнадцатой квартиры. Я видел тебя у нас во дворе.

Девочка повернулась к нему, всмотрелась в лицо.

– А ты – Ярик?

Он кивнул и сжал ее ладонь белыми от напряжения пальцами:

– Линка, сейчас очень важно, чтобы мы посидели тихо. Представь, что это такая игра, ладно?

Девочка ничего не ответила, но плакать перестала. Нелли перевела дух. Она пыталась разглядеть хоть что-нибудь в сыром тумане за стеклом. Болезненно-мутный свет фонаря то появлялся, то исчезал, заслоненный чем-то. Неизвестность давила. Что, если Дориан обошел машину и сейчас готовится разбить заднее стекло и вцепиться в Огонька?

Тень снова скрыла свет оранжевой лампы над улицей.

Уходи, уходи отсюда, тварь.

Тень шевельнулась, поплыла в сторону... исчезла из поля зрения. Еще шаг, и Темный окажется около водительского окна и – если бросит взгляд внутрь – увидит, что «Лексус» не пуст. Задние окна закрыты тонировкой, но передние...

Какой стремительный поворот сделала жизнь. Каких-то полчаса назад ты, беспечно напевая песенку, резала салат на ужин.

Нелли взвела курок. В тишине салона его щелчок прозвучал как треск сломанной кости.

А может быть – это шанс.

Шанс отомстить! Покончить с Дорианом навсегда.

У него высокий уровень Силы, возразил холодный голос в глубине. Даже твои нафаршированные магией пули могут не нанести ему урон – так уже бывало, вспомни. А на звук пальбы сбегутся Темные. Давно ушло то время, когда ты рисковала жизнью, не раздумывая. Теперь ты должна думать об Огоньке. Так что пусть тварь уходит.

Но тварь не ушла.

Тук-тук-тук.

Тихий стук в окно водителя.

В памяти вспыхнул промозглый новогодний вечер в Крыму семь лет назад – и черный ворон на подоконнике, с насмешкой глядящий на испуганных Иных за стеклом. Черный ворон, спустившийся с грозовых туч, провозвестник беды.

Тук-тук-тук.

– Кто-кто в теремочке живет? – вкрадчиво спросил приглушенный стеклом голос. – Кто-кто в машинке под газеткой лежит?

Владелец «Лексуса», до того момента лежавший неподвижно, задрожал так, что газета над ним затряслась.

Вот и все. Конец.

Мать встретила взглядом с сыном.

– Бери девочку и беги, – шепнула она, – я задержу его.

Огонек вздрогнул. Глаза его стали глубокими, как два колодца.

Он мог бы стать Великим. Он мог бы...

Мальчик медленно покачал головой.

– Это приказ, Ярослав. Отправляйся в Москву и найди отца.

Тук-тук-тук – громче, настойчивей.

Нелли подняла револьвер, прицелилась на звук. Мальчик зажал уши ладонями.

Стреляй сквозь дверь, пока он не открыл ее.

Но они услышат... они где-то рядом...

Выхода нет.

Влажный палец скользил по спусковому крючку, который внезапно показался слишком тугим. Слишком гладким.

Лина съежилась в комочек у Нелли на коленях, закрыла лицо.

Стреляй же!

– Ночной Дозор! – прогремел властный голос. – Эй, подними руки!

Мутное черно-оранжевое марево вспорол ослепительно-белый луч света. Дориан не ответил: только донесся сквозь шелест дождя топот убегающих ног.

– Здесь труп! – возбужденно крикнул новый голос.

– Бегом за тем парнем, быстро, быстро!

Топот и крики унеслись вдаль... стихли...

Нелли вытерла пот, градом катившийся по лицу.

– Поднимайтесь, – сипло бросила водителю. Тот послушно сел и взялся за руль, глядя перед собой оловянным взглядом, – а теперь спокойно, не привлекая внимания, везите нас на Московский вокзал.

* * *

Центр Петербурга стоял в пробках. Стук дождя по мокрым спинам машин, гудки клаксонов, алые мерцающие глаза светофоров на перекрестках и бегущие по тротуарам люди с зонтами.

Нелли проверила карманы куртки. Кошелек с несколькими мелкими купюрами (банковскими картами она не пользовалась, чтобы не давать ищейкам шанса). Упаковка бумажных платков. Помада. Полупустой флакончик туалетной воды «Шанель» – подарок мужа на день рождения. Не густо. Мобильный телефон остался дома – но пользы от него сейчас не было бы. Можно позаимствовать смартфон у водителя, но...

По звонку тебя отслежат моментально.

– Мне плохо, – напомнила о себе Лина слабым голоском, – я хочу к маме...

– Потерпи, скоро приедем, – неуверенно сказал Огонек.

– Меня тошнит...

– Водитель, опустите стекло, – попросила Нелли.

В открытое окно ворвался поток холодного, напитанного влагой воздуха – и девочку в тонком платье сразу пробила дрожь.

– Мама...

– Все будет хорошо, Лина.

Но она понимала: ничего хорошего девочку не ждет. Ее и в самом деле инициировали недавно, вероятно, несколько часов назад. Первые погружения в Сумрак – это всегда испытание, а в таком возрасте тем более. Ненасытный ледяной океан высосал из ребенка слишком много сил.

Что, если она умрет прямо сейчас, у тебя на руках?

«Лексус» с черепашьей скоростью полз в пробке; водитель включил поворотник, вырывая с Садовой улицы на Невский.

– Лина, постарайся вспомнить. Как ты оказалась в нашей парадной?

Губы девочки шевельнулись:

– Я попросилась у мамы выйти погулять во двор... Там играли в классики... вдруг стало тяжело дышать... стало темно. Потом открыла глаза – и вижу вас...

– Ты помнишь, как взорвалась бомба?

– Какая бомба?

Огонек отчаянными глазами смотрел на мать: что будем делать?

Мог бы помочь искусный и сильный целитель. Но пока его отыщешь... И здесь, в самом центре города, Темные, конечно же, внимательно наблюдают за Сумраком. Любую магическую активность заметят.

Нелли рассчитывала добраться до вокзала, проникнуть в скоростной поезд и скрыться из города. Аэропорт она отвергла сразу – там их легко отслежат. Ехать на автомобиле – идея получше, но ночью на темной трассе они будут беззащитны. Среди пассажиров «Сапсана» легче затеряться, и до столицы всего четыре часа езды.

Но они же не идиоты. На вокзале тебя уже ждут.

Эта мысль подняла новую волну страха и тоскливое чувство обреченности. Делать нечего, придется снова рисковать и тратить капли накопленной Силы на «сферу невнимания» и «хамелеон». И надо найти хоть кого-нибудь из Светлых, чтобы отдать ему девочку.

– Пожалуйста, тетя... я задыхаюсь...

А Лина угасает. Смотри: лицо становится не просто бледным – серым, как осеннее небо; из него ушла вся кровь, сухие губы словно покрылись синеватой коркой, и полупрозрачные пленочки век скрывают глаза...

– Мам, чем я могу помочь? – маялся рядом Огонек.

Ничем, сын. Похоже, ты сейчас впервые увидишь, как приходит смерть.

– Мама?

Нелли решила.

Будь что будет. Она нырнула в Сумрак и торопливо пробормотала замысловатую формулу заклęcia. Сейчас же тонкая нить Силы протянулась, как луч, от ее сердца к груди Лины.

Волшебство было не особо сложным: заклęcie «золотой нити» накрепко, словно пуповиной, соединяло двух Иных энергетическим каналом. Теперь девочка получала Силу напрямую от Нелли. Скоро она придет в себя, но отныне они со своей спасительницей обречены быть вместе. Не навсегда: на несколько дней или неделю, но оборвись эта нить – Лина точно умрет; если Нелли погибнет – тоже. И неизвестно, какая судьба печальней: угаснуть здесь от полной потери Силы или оказаться на пути у Дориана.

Действие колдовства проявилось сразу же! Лина задышала ровней и опустила ресницы, словно задремала. На веснушчатых щеках появилось подобие румянца.

– Теперь держитесь, детки, – прошептала Нелли.

Дневной Дозор не замедлит отреагировать. Если бы машина не ползла так медленно...

Светлая волшебница выглянула в окно и увидела впереди вытянутый силуэт обелиска на площади Восстания и рядом – сияние неоновых слов «Московский вокзал». Но гораздо ближе – Темного Иного в форме офицера ГИБДД. Тот быстро шел наперерез автомобилю, вскинув полосатый жезл.

– Стой! Проверка!

Как быстро. Свет и Тьма, как быстро!

– Остановись, – шепнула Нелли водителю, – поговори с ним.

«Лексус», покачнувшись, застыл посреди залитого огнями фонарей, гудящего клаксонами машин проспекта.

– Документы, – чуть задышав, проговорил Темный в приоткрытое окошко.

Зачем ему документы?

Он оказался совсем молодым – розовощекий от азарта охоты, старательный начинающий дозорный, – впрочем, это могло быть лишь маской. Вскоре подоспеет подкрепление, но сейчас он один. В этом твой шанс.

Не упusti его. Пара минут у тебя есть. Не больше.

Стреляй только в крайнем случае. Стрельбу они услышат.

Нелли спрятала револьвер.

– Документы!

Водитель крепко сжимал ладонями шершавую кожу руля, отводя взгляд. В открытое окно летели мелкие капли.

– Вы что, оглохли, уважаемый? – Темный начал нервничать. – Долго мне ждать?

Нет, он и в самом деле новичок. Опытный дозорный уже просканировал бы машину через Сумрак и знал бы, кто в ней находится. Новичок – это хорошо. Есть надежда, что он плохо понял задание.

– Покажи ему права, – тихо приказала Нелли.

Обладатель «Лексуса» повернул к ней посеревшее, плохо выбритое лицо. В запавших глазах она прочла отчаяние.

– Что с тобой?

Темный занервничал сильнее:

– Кто там у вас в машине? С кем вы разговариваете?

– Дорогая моя, драгоценная... – тоненько пролепетал водитель.

Нелли все поняла. Человек ездил без прав. Солидный деловой мужчина на хорошей иномарке вопиющим образом нарушал Правила дорожного движения. Робкая надежда на то, что страж дороги просто проверит документы и отвалит, погасла.

Губы водителя дрожали, по щекам покатились слезы. Погруженный в гипнотический транс бедняга испытывал жесточайшие страдания от того, что не мог исполнить приказ.

– Бесценная моя...

Только этого не хватало!

Лина всхлипнула и прижалась к Огоньку.

– Гражданин! – Полосатый жезл часто забарабанил по капоту. Водители автомобилей недовольно гудели, объезжая неожиданное препятствие.

Рука Нелли снова потянулась к оружию за пазухой.

Стрелять – только в крайнем случае.

Какой у него уровень Силы? Не видно. Если бы пятый, как у тебя, или ниже...

– Выходите из машины! С поднятыми руками! Это приказ.

Сумрак заволновался – сквозь машину полетели волны сканирующего заклятья. Темный наконец делал то, что надо было сделать сразу.

– Сиди, не двигайся, – сказала Нелли водителю, – по моей команде поедешь вперед.

– Я буду считать до трех! – крикнул Темный, расстегивая кобуру пистолета на поясе. – Один! Два!..

Нелли распахнула дверцу и вышла под хлещущие ледяные плети дождя.

– Стоять на месте! – Лицо Темного на миг вытянулось, а затем в уголках его губ... заиграла ухмылка. Парень был счастлив – ведь именно ему удалось поймать Светлую, за которой охотилась вся армия Тьмы. Рука его нырнула в кобуру.

Шестой уровень. Пожалуй, почти пятый, близко к твоему, но все же слабее тебя, значит, ты можешь...

Волшебница поймала его взгляд.

– Это крысиный яд, – отчеканила она, поднимая флакончик «Шанели» к глазам полицейского и нажимая на пульверизатор.

Полицейский выронил жезл – и с воплем покатился по мокрому асфальту.

– Едем, едем, едем! – Нелли впрыгнула обратно.

«Лексус» рванулся вперед.

Темный кричал, царапая веки, раздирая воплем легкие – его лицо покраснело, как от ожога, глаза горели невыносимой болью.

– Я умираю, ах ты, сука, подлая мразь, гадюка! Я ослеп, я умираю!!

Дождь барабанил по крыше, по спинам прохожих, по круглым щекам кариатид, вцепившихся в балконы. Высоко над автомобилем поплыл серый обелиск с золотой звездой на вершине.

– Приехали, дорогая моя, – проворковал водитель. – Московский вокзал.

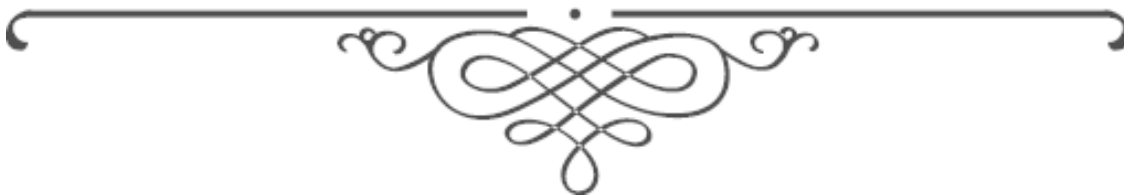
Он был на седьмом небе от счастья: приказ хозяйки выполнен.

– Не останавливайся, – дрожащим голосом велела Нелли, – езжай мимо, скорей, скорей!

Она вжалась в кресло. Вдоль тротуара у здания вокзала частой цепью стояли Темные. Нелли не нужно было заглядывать в Сумрак, чтобы увидеть их мерцающие боевые жезлы и налитые Силой амулеты. Здание напоминало готовую к обороне крепость. Какой уж тут «хамелеон»... Светлая волшебница поникла на заднем сиденье, борясь с подступающими слезами.

Глава 2

*Санкт-Петербург, Ладожский вокзал
19 сентября 2015, 23:51*

Если бы Нелли могла связаться с Матвеем! За семнадцать лет нелегальной жизни она привыкла полагаться на мужа. Расслабилась. Книжник – ее угрюмый дядя – исчез, не оставив следа или весточки. Матвей устроился на тихую работу: аналитиком в симферопольский офис Ночного Дозора – и о семье на работе молчал. Он самостоятельно изучал Сумрак и за несколько лет упорного труда смог подняться до второго уровня Силы. Нелли и Матвей устали прятаться от всего мира, но решение о переезде в Санкт-Петербург приняли после мучительных размышлений. В одной из командировок Матвей свел знакомство с аналитиком питерского Дозора с кодовым именем Лесник и получил приглашение перейти к нему на работу. Они с Нелли проговорили целую ночь, взвешивая «за» и «против». Сыну нужно хорошее образование. В Крыму он пошел в школу только с четвертого класса – до того родители учили его сами.

Они боялись всего, что касалось возможной судьбы Огонька. Безотчетно, подсознательно. Хотя рассудок говорил: прошло много лет после тревожных событий 1998 года, и в большом городе шансы столкнуться с врагом невелики. В Северной столице в отличие от Москвы их никто не знал, а прикрытие сочинить нетрудно.

– Будем поменьше оставлять Огонька одного, – говорил Матвей, разбирая и смазывая пистолет, – и попробуем разузнать что-нибудь о Дориане. Гадюке надо срубить голову. Но сами ничего предпринимать не станем. Он в розыске с девяносто восьмого года – вот пусть Инквизиция и Дозор займутся им. Может, и Книжник отыщется. Надо положить этому конец. Невозможно вечно жить затворниками.

– А Гесер?

– Небольшие нарушения закона принято прощать. За давностью лет.

Нелли сняла со стены катану, потянула клинок из ножен. На гладком зеркале лезвия заплескали языки пламени из камина.

– Как в старые времена, да?

– Как в старые, недобрые времена, – кивнул Матвей.

– У кота девять жизней? – усмехнулась она.

– И каждая лучше прежней.

Сняли квартиру и без лишнего шума превратили ее в маленькую крепость. Под прищмотром отца Огонек даже гулял во дворе и свел дружбу с соседями (все детство ему не хватало общения со сверстниками). Матвей перевелся в петербургский Дозор. Прошел месяц с момента переезда, месяц новой спокойной жизни... но тут Лесник сообщил ему, что в Москве замечен Иной, похожий на Дориана. Матвей уехал в Москву – проверить источник.

На следующий день за Нелли и Огоньком пришли.

Лучше бы мы продолжали жить затворниками.

Дождь прекратился. «Лексус» остановился напротив Ладожского вокзала. Прежде чем выйти из машины, Нелли долго смотрела на сверкающее стеклянное здание, осторожно сканировала его через Сумрак. В сыром мраке ночи вокзал казался уютным и светлым местом.

Теплым домом, куда хотелось войти и спрятаться, слиться с толпой. Если в нем и были агенты Тьмы, то они предпочли скрыться.

Есть шанс, что поисками руководит не петербуржец.

Дориан, Дориан...

Он может не знать, что рейсы в Москву бывают не только с Московского вокзала.

С Ладожского не ходят «Сапсаны» – лишь обычные поезда. Путь может занять часов семь-восемь. Но сейчас это, возможно, единственный способ сравнительно быстро и безопасно добраться от столицы до столицы.

– Прощайте, – сказала Нелли водителю, – сейчас вы поедете домой и ляжете спать. Утром вы ничего не вспомните о нас. Спасибо за помощь.

– Спасибо, что позволила помочь. – По щекам мужчины катились слезы счастья.

Светлая Иная подхватила девочку на руки, и беглецы торопливо зашагали к вокзалу, стараясь держаться в тени. Над площадью загустевала призрачная водяная взвесь, озаряемая алыми и голубыми сполохами неона, в ее глубине скользили жутковатые вытянутые фантомы.

– Тетя, я могу идти сама, – пискнула Лина.

– Зови меня Нелли. Как ты себя чувствуешь?

Она бережно опустила девочку на землю. Напряжение понемногу отступало, и Нелли стала чувствовать саднящую боль в обожженной ладони.

– Удивительно. Мне кажется, я могу взмахнуть руками и взлететь, – Лина задумчиво смотрела на свои ладони, – даже не холодно в этом платье.

«Еще бы, – подумала Светлая. – Ты должна себя чувствовать так, словно тебя уже утопили в глубоком омуте – но вдруг вытолкнули на поверхность, к солнцу и свежему воздуху».

– Нелли, ты колдунья?

– Почему ты так думаешь?

– Ты ведь заколдовала дяденьку в машине.

– Может, он просто меня слушался.

– Разве ты его начальница?

– К счастью, нет.

– И еще ты меня вылечила. Я видела, как от тебя пошел очень-очень теплый свет...

Нелли села перед девчонкой на корточки, положила руки ей на плечи:

– Лина, ты ведь знаешь, что такое волшебство. Кто-то уже говорил с тобой об этом?

– Ну... мама читала мне сказку про пряничный домик.

Огонек рассмеялся:

– Это та, где старая ведьма хотела съесть детей?

Лина посмотрела на него с испугом и отступила на шаг.

– Не бойся, – сказала Нелли устало. – Не для того я тебя спасла, чтобы съесть. Значит, ты не знаешь, что стала Иной?

– Как это – Иной?

Потрясающе. Она даже не знает, что ее инициировали.

– Иная – значит такая же, как я.

Глаза девочки заблестели:

– Я тоже смогу колдовать?

– Сможешь, если будешь меня слушаться. Мы по-прежнему в большой опасности, и сейчас нам надо сесть на поезд и уехать из города.

– В Хогвартс? – обрадовалась Лина. – В школу волшебников?

Огонек снова рассмеялся, но смех его прозвучал невесело.

– К сожалению, всего лишь в Москву, – терпеливо объяснила Нелли. – Там нам помогут. Прости, я пока не могу тебя отпустить к маме.

– Не можешь? Почему?

– Глубоко вдохни, закрой глаза и постарайся понять, что ты чувствуешь.

Лина послушно закрыла глаза.

– Ой...

– Вот именно, ой. Видишь?

– Снова свет. И как будто ниточка...

– Мы с тобой связаны, Лина. Мне пришлось дать тебе свою Силу, чтобы ты не умерла. Это ненадолго, но придется нам попутешествовать вместе. А твоим родителям мы позвоним, как только сможем, и скажем, что ты в порядке, хорошо?

Девочка кивнула.

– Я потом вернусь к маме и папе?

Если мы останемся живы до утра – возможно.

– Конечно, – совершив над собой усилие, ответила женщина.

– А кто за нами гонится?

– Злые волшебники.

– А зачем?

– Злые и добрые всегда воюют. Не могут без этого.

Огонек дернул мать за рукав:

– Мы здесь у всех на виду.

– Ты прав. Идем.

Прикрывшись «сферой невнимания», они вошли в здание вокзала. После промозглой темноты города тут было тепло, сухо и светло. Только сейчас Нелли поняла, как замерзла и устала: ведь ей приходилось делиться силами с девочкой. Вокруг троих беглецов сновали туда-сюда люди с чемоданами – и Нелли без стеснения черпала их энергию. Светлые Иные любят вокзалы и аэропорты: здесь они просто купаются в светлых эмоциях, что люди излучают во время путешествий.

В зале ожидания уютно мерцало табло с расписанием рейсов.

– Нам везет. Рейс «Санкт-Петербург – Адлер» отчалит через двадцать минут. Идет через Москву.

– А Ярик – тоже волшебник? – Лина дернула Нелли за рукав. – Мы будем с ним как Гарри и Гермиона?

Она уже смотрела на это как на интересное приключение – и даже о маме не вспоминала. «Уже не обычная девочка, – с неожиданной грустью подумала Нелли. – Иная».

– Огонек пока не Иной, – ответила она, – ему надо немного подрасти.

– Идем, – сказал мальчик, – нам на третий путь.

Он сделал шаг вперед... и замер на месте. У выхода к поездам стоял Темный. Словно возник из ниоткуда. Уже знакомый им мужчина в шляпе и сером пальто. Он медленно сканировал зал тяжелым взглядом.

Нелли схватила детей за руки и бросилась в толпу. Спустя несколько секунд они были в маленьком кафе у камеры хранения.

Успел он нас заметить или нет?

– Нелли, это злой Иной? – спросила Лина.

– Да... не высывайтесь.

Нелли осторожно выглянула за дверь и сразу же спряталась обратно – по залу, рассредоточившись цепочкой, шли четверо Темных. Цепко вглядываясь в лица пассажиров, они быстро приближались к кафе.

Итак, тот, кто руководил поисками, вспомнил и о Ладожском вокзале. В конце концов, так ли уж сложно для перестраховки отправить оперативников на все пять городских вокзалов?

– Девушка, вам помочь?

Она обернулась. Смуглый молодой официант подобрался сзади неслышно, как тень, и теперь с интересом разглядывал беглецов. Зал кафе был пуст: время уже перевалило за полночь.

Пуст – это хорошо. Чем меньше свидетелей, тем лучше.

– Отсюда есть второй выход?

– Зачем это? – официант насторожился.

– Ведите нас туда, быстро.

Она поймала взгляд парня, подчиняя волю. Молодой человек послушался, но неохотно. С видимым неудовольствием он направился в глубину зала – к прозрачному пологу, закрывавшему служебный проход.

Все меньше Силы у тебя. Как ты справишься с этим?

За пологом обнаружилась кухня: остывшая плита, стол в картофельных очистках, в мойке – гора посуды. Два повара-азиата в белой одежде пили чай у окна: они с удивлением посмотрели на пришельцев.

– Эй! Сюда нельзя! – воскликнул один из них.

Нелли обвела их спокойным взглядом голубых глаз:

– Вы нас не видели.

Повара как ни в чем не бывало вернулись к своему чаю.

– Отсюда можно выйти на перрон? – спросила Нелли официанта.

– В дверь прямо и направо. Мимо туалета.

– Спасибо. Ты тоже нас немедленно забудь. Иди работай.

– Немедленно забыл. Иду работать.

Парень поплелся прочь шаркающим шагом сомнамбулы.

За дверью и в самом деле оказался перрон. По платформам вдоль составов пассажиры торопливо катили чемоданы. В холодном воздухе пахло табачным дымом и смесью запахов, которую можно почувствовать только на железной дороге: машинное масло, креозотовая пропитка шпал, дым вагонных печурок. Сонные проводники в форменной одежде проверяли билеты.

– Какой-то из этих поездов наш, ребята.

– А как же билеты? – спросил Огонек.

– Придется «зайцами».

– Нелли, а можно мне в туалет? – жалобно спросила Лина.

Начинается.

Вход в круглосуточный вокзальный туалет был совсем близко – матово подсвеченные фигурки мужчины и женщины на стене приземистого кирпичного здания.

– А потерпеть до поезда никак?

– Я уже очень-очень давно терплю, – призналась Лина, – я больше не могу.

Вот незадача. Пока они найдут поезд и вагон, пока проводник откроет туалет...

– Тебе надолго?

– Я очень-очень быстренько. – Даже в темноте было видно, как девочка покраснела от смущения.

– Ладно, мы проводим тебя.

Идти в женский туалет всем троим? Огонек скорчил гримасу:

– Я подожду здесь.

– Здесь опасно, спустись с нами вниз.

– Я не хочу в женский туалет!

Время стремительно убегало. А ведь надо еще успеть на поезд.

– Зайди в дверь, здесь тебя хотя бы не видно с платформы. Если что – кричи.

– Бегите уже скорей.

Лестница в подвальное помещение. Внизу, у входа в туалетный зал, за столиком клевала носом черноволосая худенькая девушка в сером свитере. Нелли бросила ей двадцать рублей и проводила Лину в кабинку.

– Помощь нужна?

– Справлюсь.

Нелли прислушалась – наверху было тихо. Сквозь Сумрак она чувствовала присутствие сына на лестнице, на платформе рядом с туалетом – пусто. За дверцей, в кабине туалета, раздалось журчание, за ним последовал облегченный вздох девочки.

Все идет не так уж плохо. Куда лучше, чем могло бы. Бежать через Ладожский вокзал оказалось годной идеей. Еще каких-нибудь пять минут, и они будут в поезде, а завтра утром – под защитой Матвея и Скифа...

Что-то было не так.

Что-то неправильно.

Внезапно острое предчувствие беды захватило Нелли, по спине побежали ледяные коготки.

Она оглядела пустой туалет, нащупывая за пазухой нагретый теплом тела револьвер. За дверями кабинок было тихо, лишь клокотал едва слышно неисправный бачок. На влажном кафеле пола мокли окурки. Ноздри щекотал едкий запах хлора.

– Лина, ты там как?

– Почти выхожу...

Что же тебя насторожило?

Бесшумно ступая, Нелли вышла в предбанник, где сидела девушка, собиравшая деньги за пользование туалетом. За плексигласовой перегородкой она наклонилась над столом – маленькая, тоненькая, похожая на мулатку.

Темная Иная.

– Подними руки, – скомандовала Нелли, взводя курок, – в Сумрак не соваться.

Как же ты сразу не заметила? Слишком спешила? Какой стыд, дозорная.

Девушка вздрогнула, как от удара, распахнув карие миндалевидные глаза; ствол револьвера уставился точно между ними. На столе лежал смартфон, на дисплее мерцал список телефонных номеров.

– Собралась звонить кому-то?

– Маме.

– Маму случайно не Завулоном зовут?

Как ты могла так проколоться, Герда? За подобную ошибку Скиф выгнал бы тебя из Дозора – и был бы прав.

– П-пожалуйста, – на ресницах девушки задрожали слезы, – я же не сделала вам ничего плохого. Я даже не знаю, кто вы!

– Лгать, предавать и воровать в Дневном Дозоре учат первым делом, не так ли?

Сверху долетал шелест ног пассажиров на платформе. Где-то вдали диктор сонно бубнил объявление по вокзалу.

Делай это быстро. Если кто-то сюда войдет – проблем станет больше.

Никто не вошел. Зато появилась из «комнаты для девочек» Лина – она тщательно вытирала лицо и руки салфеткой.

– Молчи, – бросила ей Нелли, – ни звука.

– Прошу вас, – всхлипнула Темная, – я не из Дозора. Я простая девушка... ну что я вам сделала? Умоляю... я хочу к маме...

Черта с два.

Нелли сжала пальцем спусковой крючок... и в этот момент увидела огромные испуганные глаза Лины. Они были зеленые, как спелый крыжовник, – и Нелли вдруг поняла, кого ей

напоминает эта маленькая Иная: такие же рыжие волосы, конопушки и кошачьи глаза были у ее давней соратницы по Тайному Дозору – Рыси.

– Я же ничего не знаю, – лицо Темной уже тряслось, красное и мокрое, – что я вам сделала плохого... пожалуйста, моя мама не переживет этого...

Лина прижалась спиной к холодному кафелю, она не сводила глаз с тускло блестящего револьвера. Нелли почувствовала спиной взгляд Огонька. Он тоже был свидетелем происходящего.

– Даешь слово, что никому не расскажешь о нас? – спросила Нелли.

Не могу поверить, прозвучал строгий и печальный голос Скифа где-то в глубине. *Моя ученица?*

– Обещаю, обещаю, клянусь, – залопотала смотрительница туалета.

– Если ты мне солгала – я тебя из-под земли достану, ты понимаешь?

– Я буду молчать! Пожалуйста...

Нелли резким ударом разбила ее смартфон, подхватила Лину в охапку и побежала по ступенькам вверх. Огонек ждал их у выхода.

Снова голос Скифа в тишине памяти:

Чего в тебе сейчас больше? Страх или малодушия?

– Прости, – прошептала Нелли, – я не могу убить на глазах у детей.

* * *

Взгляд у проводницы был как застывший холодец:

– Мест нет. Вагон битком. И не просите.

Нелли взяла ее за руку и заглянула в глубину желеобразных глаз:

– Вы найдете нам места. Самые лучшие.

Грузная женщина в войлочном форменном пальто и миниатюрной шапочке надолго замолчала. Непрошибаемая стенка. Наконец, когда Нелли уже хотела идти к следующему вагону, гипнотическая сила одержала верх над вредностью.

– Ладно, – буркнула тетка, – влезайте.

Нелли заметила восхищенный взгляд Лины и подмигнула ей. Девочка подмигнула в ответ.

В конце концов, все может быть и не так страшно, размышляла Нелли. Поезд отправится через минуту. Темная девчонка из туалета еще долго в себя приходить будет. Да и в самом деле – собиралась ли она сообщить о нас в свой Дозор? Так и до паранойи недалеко. Оружия у нее ты не заметила. Может, она действительно в туалете работает. Да, порой низшие Иные не гнушаются и грязной работой. Им свойственны неожиданные мотивации.

В любом случае: что та видела? Светлую волшебницу и Светлую девочку. А ловят по всему Петербургу Светлую с сыном, потенциальным Иным.

Сели в первое попавшееся купе. Нелли вспомнила «Морфей» и усыпила пассажиров – мать, отца и двоих маленьких сыновей, направлявшихся на отдых в Сочи. Когда поезд тронулся, проводница заглянула в купе с обходом, но сразу же изменилась в лице и исчезла.

Нелли потрепала сына по соломенным вихрам:

– Кажется, выбрались. Да, Огонек?

– Пули свистели над головой, – криво усмехнулся мальчик.

– А романтики ни на грамм.

– Ни на миллиграмм.

– Сын... я в чем-то провинилась перед тобой?

– Нет, – он опустил голову, – прости, мам. Но лучше бы мы из Крыма уехали не в Питер, а в Австралию.

Нелли могла бы поспорить. Напомнить, что они прятались семнадцать лет. Семнадцать лет страха и постоянного ожидания атаки – это жизнь в аду. И нет для них на Земле такого места, где можно чувствовать себя в безопасности. Но она сказала только:

– Сидите тихо, детки. Я схожу на разведку. Может, найду что-нибудь поесть.

Лина послушно тряхнула рыжим хвостиком. Огонек смотрел в окно – на плывущее в темноте море электрических огней. Поезд, гремя колесами, набирал ход.

– Закройтесь на шпингалет и никому не открывайте.

В поисках ресторана Нелли прошла несколько вагонов.

Состав набирал ход. Лечь бы сейчас и вытянуть ноги, можно даже не ужинать. Но надо накормить детей. И еще – в купе мало места. Нельзя же вытащить пассажиров и сложить в коридоре, как дрова!

Она вошла в следующий вагон и замерла. За приоткрытой дверью одного из купе – легкий сиреневый отблеск ауры... Сердце заколотилось сильнее. Итак, в поезде едет как минимум еще один Иной. Совпадение?

Нелли тихо постучала в дверь.

– Вы позволите?

– Да-да? – интеллигентный, слегка строгий голос. Таким разговаривают экскурсоводы и учителя старших классов.

Светлая.

Она, конечно, ехала на море отдыхать. В бархатный сезон, когда солнце становится не слишком жгучим. Слегка постарше Нелли внешне – то есть около тридцати лет, но внешний возраст для Иной мало значит. Ехала без спутника, значит, живет одна – а умению жить в одиночестве учатся десятилетиями... Немного повыше Нелли ростом, тоже светловолосая, с темно-синими, очень красивыми глазами. На плечах – пушистый платок, в руке – раскрытая книга в мягкой обложке.

– Простите, пожалуйста, что потревожила. Но мне очень нужна помощь.

Обитательница купе так же быстро исследовала Нелли взглядом – на мгновение задержалась на выпирающей слева куртке (кобура) – и коротко кивнула:

– Входите. Что за беда?

У нее примерно твой уровень Силы, пятый. Жаль, на боевого мага совсем не похожа.

– Мне надо добраться до Москвы как можно скорее. Со мной двое детей...

– Вы уже едете в Москву.

– У нас нет билетов. А вы одна в целом купе.

Пассажирка отложила в сторону книгу («Окаянные дни» Бунина), взяла со стола чашку чая, сделала глоток:

– А если ко мне подсадят попутчиков?

Нелли без сил упала на лавку напротив:

– Пусть. Нам хоть бы пару часов... отдышаться. Но почему-то мне кажется, что к вам никого не подсадят.

Женщина посмотрела на мерцающую в Сумраке «золотую нить». На покрытую волдырями левую кисть собеседницы.

– Полина, – представилась она, – чай будешь? Давай-ка сюда руку, уберу ожог.

* * *

Поезд медленно полз вперед, подолгу стоял на перегонах. Нелли казалось порой, что пешеход шел бы скорее.

– Пропускаем «Сапсаны», – объяснила новая знакомая, – я здесь часто катаюсь. Не волнуйся, будем в Москве по расписанию, в девять утра.

Нелли, у которой на этот счет были сомнения, промолчала.

Дети напились чаю с печеньем и вафлями, вскарабкались на верхние полки и сразу заснули.

– Ей лет десять? Уже Иная, – сказала Полина, – а мальчика что не иницилируешь?

Нелли покачала головой.

– Девочка не моя. Я ее едва знаю. А сын... его время еще не пришло.

– Ты – мать, тебе решать.

– Несформированная судьба. Решать Сумраку. И знаешь, мы с мужем очень боимся его решения.

Полина привстала и долго с удивлением всматривалась в спокойную радужную ауру спящего мальчика.

– Жребий прихотлив, – сказала она, – и такой путь – тоже путь. Сил вам с мужем принять этот выбор.

– Полина, у тебя есть дети?

– Был сын. Погиб на Гражданской войне.

– Прости.

– Почти век пролетел. Давно отболело.

– Больше не хочешь?

– Детей? Долго не хотела. Сейчас – не от кого.

– Никто не нравится?

– Может, и нравится, – Полина пожала плечами под пуховым платком, – но ведь не так уж плохо одной на свете. Спокойно. И куда нам, Иным, торопиться? Я уже двадцать лет работаю в Русском музее, искусствоведом. Коллеги шепчутся, мол – слишком хорошо сохранилась. Я даже набрала возраст немного, чтобы меньше завидовали. Потом скину.

Женщины рассмеялись.

– Я тоже набрала, – призналась Нелли, – когда Огонек подросток. Нас за брата и сестру принимали.

– Наверное, здорово, когда муж и ребенок – Иные. Мой муж был морским офицером, красавцем и героем войны. Но я с первого дня не могла отделаться от мысли, что придется его хоронить и жить дальше. Эта мысль похожа на червячка, живущего в сердце и грызущего его потихоньку, днем и ночью. Потом уже на всех мужчин начинаешь смотреть так. Родился сын – и с ним та же история. Слышала, некоторые женятся только на Иных своего цвета – так выше вероятность родить Иного. А еще берут Иных детей из обычных семей и делают своими.

– Так поступают Темные.

– Так поступают несчастные, – вздохнула Полина, – а отец твоего парня – он кто, если не секрет?

– Он... – Нелли надолго задумалась. – Мне с ним очень повезло.

– Тоже маг?

– И довольно сильный. Добрый. Заботливый. Характер немного колючий, ясно, в кого сын пошел...

– Подожди-ка.

Они замолчали, прислушиваясь. Поезд уже некоторое время стоял на станции без движения. В тумане за окном бледными пятнами плавали фонари. Полина осторожно отодвинула край занавески:

– Малая Вишера. Здесь стоянка всего две минуты. Обычно...

Нелли почувствовала, как мгновенный озноб сковал тело. Никто из Темных не видел ее. Никто не знает, что она с детьми едет на этом поезде... за исключением той девчонки на Ладожском вокзале. Значит, все-таки разболтала. Рука Нелли инстинктивно скользнула за пазуху –

прикоснуться к успокаивающему гладкому металлу оружия. Это не укрылось от взгляда спутницы.

- Что за проблемы у тебя с Темными?
- Лучше тебе не знать.
- Нет уж, я с тобой еду, рассказывай.
- Это личные разборки. Их Дозор помогает моему врагу.
- А наш – тебе?
- Нет. Если встретишь Ночной Дозор, прошу – не говори им обо мне.
- Как все мудрено... И что, кто-то видел тебя садящейся в поезд?

Нелли быстро пересказала свои приключения на вокзале.

- Эта девчонка, – спросила Полина, – не заметила Огонька? Только тебя и Лину?
- Думаю, не заметила. Я уже ни в чем не уверена.

За окном в чахоточном мерцании станционного фонаря скользили тени. Кто-то торопливой походкой прошел под окном – и Полина задернула шторку.

- Может, кто-то важный на поезд опаздывает, – предположила она.
- Ради кого в Малой Вишере задержат состав? Вот что, – Нелли устало прикрыла глаза, – постарайся задержать их. Мы с детьми побежим в последний вагон и спрыгнем.

Полина посмотрела с сомнением:

– И что дальше, в Москву по шпалам? А если вас увидят? Давай-ка мне свою куртку. Роста я примерно твоего, волосы светлые... вряд ли твоя туалетная подруга уже здесь собственной персоной.

- Что ты придумала?
- Побуду тобой. Буди сына, и полезайте наверх, на багажную полку.
- А Лина?
- Лина путешествует со мной.

Огонек не задавал вопросов, подхватил куртку и полез наверх. Полина выключила свет, а затем пустила в ход что-то получше «сферы невнимания», что-то совершенно незнакомое (дореволюционное?), – и Нелли, вжимаясь в стену у нее над головой, снова задумалась, сколько же лет ей может быть на самом деле.

– Теперь даже я вас не вижу, не чувствую, – нервно усмехнулась Полина. Она выглянула в коридор и быстро отдернула голову. – Двое Темных. Проверяют все купе. Хорошо, что мой проводник вас не видел.

Огонек тяжело вздохнул. Нелли сжала руку сына и приложила ствол револьвера к губам. Мальчик отвернулся к стене.

Лина посапывала на своей полке, натянув на ухо плед.

В дверь постучали – тихо, но настойчиво. Полина открыла не сразу... в темноте появилась полоска света, и ее сразу заслонила тень.

- Что вам нужно? – заспанным голосом спросила Полина.
- Задать пару вопросов, – ответил низкий мужской голос.
- Вам скучно и одиноко? Я не знакомлюсь с мужчинами в поезде.
- Мы – Дневной Дозор.
- Так приходите днем.
- Мадам, – перебил второй голос, – поезд никуда не пойдет, пока вы не ответите на вопросы.

- Обязательно это делать сейчас?
 - Да. Для начала – вашу регистрационную метку.
 - На каком основании?
- Первый голос вмешался, и теперь он звучал куда жестче:

– Ты подозреваешься во множественных убийствах и нанесении тяжких телесных повреждений находящимся при исполнении сотрудникам Дневного Дозора. А также в нарушении Великого Договора и предписаний Инквизиции.

Все это должно было, наверное, сильно действовать на любого Иного – но голос Полины даже не дрогнул:

– Вам очень повезло, господа. Я в жизни не убила никого крупнее мухи. Так что можете идти домой спать.

– К дьяволу! Показывай метку, или мне придется снять ее насильно.

– Не сомневаюсь в ваших моральных качествах. Что ж, господин насильник, смотрите...

Несколько секунд длилось молчание. Дозорные пытались сопоставить данные по ориентировке с тем, что видели. Светлая Иная, пятого уровня, блондинка... та или нет?

– Кто едет с тобой в купе? – голос Темного немного смягчился.

– Моя дочь.

– Она тоже Светлая.

– Да, это большая удача.

– Я не вижу у нее регистрации.

– И не увидишь. Она только вчера инициирована. По правилам, у меня есть еще месяц, чтобы все оформить.

– Разбуди ее, я хочу посмотреть.

– Я не обязана этого делать и не стану. Я только недавно ее с трудом уложила. У вас есть дети? Знаете, как это бывает нелегко?

Темный задумался. Нелли, лежавшая прямо у него над головой, вытерла пот. По счастью, им попались не головорезы вроде Дориана, а простоватые местные оперативники.

– Мадам, – снова заговорил второй Темный, более вежливый, – спрошу напрямую: это вы сегодня совершили нападение на нашего агента на Ладожском вокзале?

– Вы о девице из туалета?

– Именно.

– Общественный сортир – отличный наблюдательный пункт. Браво! Да, это была я.

– Думаю, вам следует объясниться.

– Думаю, вам следует лучше инструктировать младший персонал. Ваша девчонка пользуется служебным положением для того, чтобы воровать энергию у людей. Я поймала ее за этим делом, но пожалела и решила не вызывать Ночной Дозор, просто сделала небольшое внушение.

Нелли мысленно отругала себя за слабохарактерность. Выстрели она тогда – сейчас поезд спокойно мчался бы к Москве.

– У нас другая информация, – сказал Темный.

– Ваша сотрудница лжет. Ей стыдно, что она оплошала.

– Минуту подождите.

Дозорный отошел в коридор. Было слышно, как он говорит по телефону, прикрыв трубку рукой. Нелли не могла разобрать ни слова. Мысленно она аплодировала Полине. Та не только выставила в новом для ищеек свете все произошедшее на вокзале – она указала им обратно на Питер. Если в адлерском поезде едет не Нелли, а кто-то похожий на нее, значит, надо продолжать искать в городе.

– Мадам, – вернулся вежливый, – приносим извинения, но вам с девочкой придется пройти с нами.

– Куда это?

– На станцию. Вашу невиновность должен подтвердить свидетель, он уже едет сюда.

Дориан!

Нелли прицелилась сквозь багажную полку, на звук голоса Темного. Два выстрела – и снова бежать что есть сил, бежать без оглядки.

– Убирайтесь-ка вон, господа, – устало сказала Полина. – Ваш свидетель, будь он хоть сам Завулон, мне не интересен. Вам надоела тихая жизнь в Малой Вишере? Хотите острых ощущений? Извольте. Я сейчас же звоню главе Петербургского бюро Инквизиции Коле Ракитскому, это мой хороший друг, и вам придется держать ответ перед ним – на каком основании вы, в нарушение всех прав...

– Но, мадам, понимаете, мы должны... – растерянно начал Темный. Нелли стало даже немного жаль его. Однако Полина была права – дозорные не имели веских оснований для задержания.

– Зато я ничего не должна. Пусть ваш свидетель, если ему так приспичило, найдет меня в Сочи. И не завтра, а послезавтра – когда я устроюсь и отдохну с дороги.

Темные молчали, не зная, что предпринять. Женщина могла и в самом деле знать Ракитского... или не знать. И у нее была регистрационная метка законопослушной Иной, которую невозможно подделать.

– Вы обещаете, – смущенно прокашлялся вежливый, – по приезду сразу же явиться в сочинский Дневной Дозор и зарегистрироваться?

– Я же в любом случае обязана это сделать, – терпеливо, словно ребенку, объяснила Полина.

– Черт с вами, – решил Темный, – подпишите вот это и можете ехать.

– Что это?

– Расписка в том, что вы не имеете к нам претензий.

– Мой список претензий к вам не уместился бы на этом листочке...

– Короче, простая формальность. Хотите ехать – гоните автограф.

Полина что-то еще проворчала, но судя по тому, что разговор закончился, подписала отказ от претензий к Дневному Дозору.

Дверь захлопнулась. Вскоре поезд, покачиваясь и стуча колесами, покатился дальше.

– Вот и все, – выдохнула Полина, – по-моему, прошло неплохо.

Нелли прыгнула к ней сверху и крепко прижала к себе.

– Тебя же всю трясет. Как после драки!

– Там, – пробормотала Полина, – у меня в сумке... фляжка коньяку.

– Ага, сейчас... мне тоже не помешает. Ты правда знаешь этого Ракитского?

– Нет, конечно... тише, тише, не разбуди Лину.

Полина сделала хороший глоток и закашлялась.

– А ты непроста, Нелюшка...

Бывшая дозорная скромно опустила ресницы.

– Множественные убийства? – продолжала Полина. – Нарушение Великого Договора? Ты? Или твои деточки?

– Думаешь, я хотела для себя такой судьбы? Жребий прихотлив.

Поезд уносился вперед, взрывая ночь грохотом и лязгом, наверстывая потерянное в Малой Вишере время.

– Я не понимаю, – подал с верхней полки голос Огонек, – зачем это все?

– Что зачем? – переспросила Нелли.

– Отчего они так преследуют нас. Зачем папа поставил бомбу и взорвал столько народу. Почему вы все время убиваете, убиваете?

Женщины переглянулись.

– Понимаешь, Свет и Тьма не могут всегда быть в согласии и мире друг с другом, – сказала Полина. – Мы слишком разные, у нас разные цели, разные взгляды.

– Но ведь Великий Договор для того и заключался, чтобы был мир.

– Мир, – тихо, но твердо проговорила Нелли, – наступит только тогда, когда победит либо Свет, либо Тьма.

- Значит, все плохие должны убить всех хороших – или наоборот?
 - Не обязательно. Да это и невозможно. Если мы перебьем всех Темных – будут рождаться новые.
 - Как же тогда можно победить?
 - Одна из сторон установит свои правила, свой закон. А другая будет ей подчиняться.
 - За это вы воюете? – хмыкнул Огонек. – За это столько народу полегло?
- Нелли промолчала.
- Умный парнишка, в тебя пошел, – шепотом сообщила ей на ухо Полина, – давай еще по пять капель и попробуем поспать.

* * *

Глубокой ночью Огонек соскользнул со своей полки и тихонько открыл замок на двери купе. Нелли подняла голову, бросила взгляд на часы – 3:48 утра. Дождь иссяк, и за окном сквозь ветхое облачное одеяло подмигивали звезды.

- Ты куда?
- Туда, где сыро и плохо пахнет...
- Подожди. Я с тобой.
- Ну, мам! Это смешно.
- Вот и посмеемся вместе, – Нелли сунула револьвер за пояс, – идем.

Свет в коридоре давно погасили. Из-за дверей соседнего купе доносился густой богатырский храп, заглушавший даже стук колес. По белым занавескам с силуэтом чайки и надписью: «Санкт-Петербург – Адлер» чиркали стрелы электрического света – состав проносился мимо станции.

- Видишь, никого нет, – буркнул мальчик.
- Нелли проводила его до туалета. Табло горело зеленым: свободно.

Пока Огонек делал свои дела, она ждала у окна. Пусть сын ворчит, вырастет – поймет. Подросток мечтает о свободе, как грезит о полете птенец, у которого еще не окрепли крылья. А вместе с силой крыльев приходит понимание, что свобода – это не полет. Свобода – это покой.

Сходясь и разбегаясь, летели над серебряным от лунного света лесом поющие провода. В дальнем конце вагона тлел над бойлером алый глаз индикатора.

- Что ж, в унитазе никто не прятался, – сказал мальчик, выйдя из кабинки.
- Не представляешь, как я рада это слышать.

Он коротко, по-взрослому, обнял ее:

- Идем спать. Ты выглядишь так, будто весь день разгружала вагоны.
- По сравнению с этим разгружать вагоны – отдых.
- Как мы завтра найдем отца?

– Утром позвоню ему с телефона Полины. Звонок, конечно, отслежат, но мы будем уже в Москве, и он успеет...

Алая искра индикатора (индикатора?) быстро поплыла навстречу им по коридору. Нелли схватила сына за плечо, оттолкнула назад.

На пути к купе темнел высокий силуэт. Алый огонек мерцал на его макушке – он вдруг стал ярче, запульсировал горячо, как жерло гиперболоида.

Это за нами. За нами!!

Нелли словно окунули в ледяной колодец. Мрачная груда надвигалась, закрывая свет. И странное дело – Сумрак был спокоен.

Они не поверили Полине. А ты думала – почему они так легко ушли?

Светлая волшебница нанесла удар первой – огненный бич рванулся из ее ладони, оплел незнакомца. Она видела, как пламя мгновенно охватило его и сразу схлынуло, не причинив

вреда. В молчании, не дрогнув, не издав ни звука, он двигался к Нелли. В голубой вспышке луны мелькнуло пугающе безжизненное плоское лицо – без признаков глаз, рта и носа.

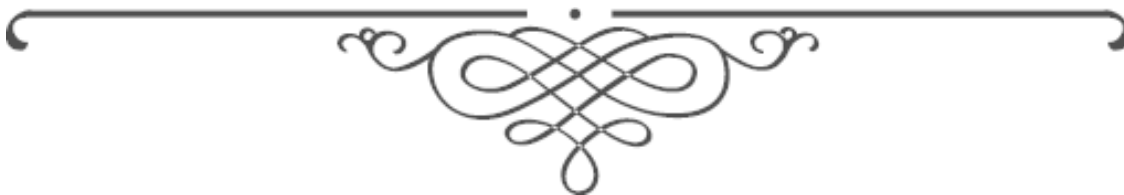
– Что ты такое?

Только сейчас Нелли поняла: у чудовища не было ауры!

Она ударила «прессом», но незнакомец лишь слегка покачнулся – и вдруг рванулся вперед.

Глава 3

*Москва, Нескучный сад
20 сентября 2015, 01:45*

Тело вампира покоилось на прелом лиственном ковре. Окоченевшее под действием заклятия, что остановило уже начавшийся распад, оно походило на изогнутую корягу, забытую дворниками на обочине. Пасть с острыми клыками застыла в последнем крике, как у злобных фантастических тварей с рисунков Гигера. Руки в синюшных веревках скрученных мышц зажимали рваную рану на горле.

Над вампиром стояли патрульные Ночного Дозора: две молодые женщины, прикрывшие платочками носы от резкого запаха серы. Лучи фонарей рассекали темноту, как два белых меча. В их сиянии сверкала морось.

– Метросексуал, – с брезгливым интересом отметила старшая, высокая и статная, с тугой медовой косой на плече. – Смотри, Марина, коготки с маникюром.

– Регистрационная метка на месте. Опять охотник на вампиров?

– Ох уж эти добровольные помощники... Ты видела убийцу? Надо было «фризить» его – а не этого.

– Только тень мелькнула среди деревьев. Прости – я сделала, что успела.

– Ты умница. Если бы он рассыпался в прах – у нас точно было бы меньше шансов понять, что тут произошло.

Марина – русоволосая, тонкая, как девочка-подросток, – вытянула узкую ладонь над изувеченным телом, прикрыла ресницами глаза, словно прислушивалась к чему-то.

– Скоро здесь будут Темные, – напредила напарница, – успеешь?

– Валя, тише, пожалуйста! Мне нужно сосредоточиться.

Валентина отступила в сторону. Накручивая на мизинец золотистый локон, она смотрела, как работает подруга. Марина распростерла руки над телом упыря и шептала заклятие – долгое, как поэма. Она походила на юную лесную богиню из славянских легенд, ожившую березку, шепчущую над могилой демона. Сквозь темный частокол деревьев просвечивала украшенная нефтяной пленкой зыбь Москвы-реки. Ночных птиц не было слышно – спрятались в глубине парка.

Валентина насторожилась. Неясный силуэт бесшумно спускался по пологому склону к месту убийства. Девушка заступила ему дорогу:

– Прекрасное время для прогулки по парку, не правда ли?

Мужчина не удивился, напротив – подался навстречу:

– Валентина!

– Матвей? Откуда ты?

– Дежурный в штабе сказал, где тебя искать.

Обликом Светлый маг скорее напоминал Темного – скуластое лицо в обрамлении черных волос, хищная осанка, расчетливые охотничьи движения: казалось, он был готов в любой момент выхватить нож и пустить его в ход. Высокий воротник кожаной куртки был задран вверх, скрывая нижнюю часть лица. Матвей весь словно горел внутренним огнем; прикоснув-

пись к его руке, Валентина ощутила волну жара. Кошачьи зеленые глаза, мерцая в темноте, смотрели куда-то сквозь собеседника.

– Валя, Валя, ты должна знать, где Скиф, – сказал он сипло, словно огонь уже подступил к его горлу и приходилось сдерживаться, чтоб не опалить собеседницу.

– Я должна? – Она невольно сделала шаг назад. – Скиф где-то на краю света, как обычно. Он мне не подотчетен.

– Тогда нужен Гесер.

Валентина посмотрела с изумлением:

– Скажешь, в чем дело?

– В моей жене... за ней пришли Темные...

– Так ты женат?

– Что в этом странного?

– Может, и дети есть?

– Есть, – выдохнул Матвей, прислонившись пылающим лбом к мокрому стволу тополя, – сын двенадцати лет. Вчера мне пришлось оставить семью в Петербурге, а сегодня с ними пропала связь. Я дозвонился в офис нашего Дозора... Весь город на ушах, в моей квартире разгром, гора трупов...

– Так, стоп, – оборвала Валентина, – мы на месте преступления, сейчас здесь будет Дневной Дозор... Вот они, легки на помине.

Со стороны набережной послышался рев мотоциклов, он быстро приближался.

– Поговорим в другом месте. – Она коснулась горячей ладони Матвея. – Марина, как там наш клиент?

– Кажется, я поняла, – отрешенно проговорила дозорная, – да, я вижу. Тут замешана... любовь.

– Вот удивила, – с иронией ответила Валентина, – только не называй *это* любовью. Сделаем так: ты встречай Темных – пусть проверят его дружков и заодно в каких клубах он ошивался. Будь понаглей, не тушуйся. Как освободишься, жду тебя на Соколе.

Над мокрой палой листвой загорелась белая рамка портала, и Валентина шагнула в него, подтолкнув вперед Светлого мага. Через мгновение они стояли в ее кабинете в штабе. Валентина смутно представляла историю Тайного Дозора, а Матвея Гордеева (кодовое имя Кот) встречала несколько раз. Со слов Скифа знала: именно ему она обязана тем, что не стала Темной в ночь на первое мая 1998 года. Кот бывал в ее кабинете больше года назад – Скиф проводил небольшую экскурсию по офису для старого соратника. С тех пор в этом зале многое изменилось. Появился стол для совещаний, над ним – мерцающее интерактивное табло. Свет белых ламп казался холодным, неуютным, как взгляд владелицы кабинета, и входящий сюда чувствовал себя жуком в работающем «ксероксе» – но Валентине нравилось работать при ярком освещении. На столе в скромной рамке стояло ее фото об руку с Гесером под стальной табличкой «Начальник Особого отдела». Оба смотрели в объектив без улыбки, сосредоточенно и деловито, словно на миг ради фотографа прервали разговор о спасении мира.

Валентина извинилась за беспорядок, аккуратно собрала со стола предметы: покрытый арабской вязью свиток в пятнах засохшей крови, пачку истрепанных царских ассигнаций, пожелтевшую от времени литографию с четырехпалой рукой, сложенной в причудливом жесте, великолепный средневековый портрет двух юношей-близнецов в венецианских плащах (один с аурой Темного, другой – Светлого), и сложила все это на подоконник.

– Садись. Есть хочешь? – Она включила интерком. – Галочка, принеси кофе и печенье. Меня не будет полчаса по внутреннему. И вот еще что: соедини меня с питерским офисом по закрытому каналу.

Матвей устало смотрел на интерактивное табло. Огонь в его глазах как будто стал остывать, сдержанный холодным спокойствием Валентины. На подсвеченной карте Москвы тлела

алая точка в Нескучном саду: сегодня в городе спокойно, всего одно происшествие. Гордеев представил, как сейчас выглядит такое табло в петербургском штабе Дозора, и невесело усмехнулся.

Разговор Валентины с Питером длился минут пять. Повесив трубку, она с веселым прищуром посмотрела на гостя:

– Ты продолжаешь меня удивлять. Восемнадцать Темных одним махом.

– Я защищал семью.

– Хорошая реклама семейных ценностей. – Валентина задумчиво щекотала щеку пушистым кончиком косы. – Я тебя не осуждаю, но Темные будут мстить до конца твоих дней, готовься.

– Среди погибших не было Иного по имени Дориан?

– Так мне и рассказали! Зато я знаю, что там погиб Гаш, глава Дневного Дозора Питера. А твою Нелли, между прочим, разыскивают оба питерских Дозора. Ты хоть понимаешь, что я могу немедленно задержать тебя – до выяснения всех обстоятельств?

Вошла Галочка с подносом. Пока она расставляла на столе посуду, Кот молчал.

– Помнишь ночь, когда ты стала Иной? – начал он, когда дверь за секретарем закрылась. – Ту майскую ночь в «Лужниках» семнадцать лет назад?

Рука с чашкой кофе замерла у губ Валентины:

– Да, конечно.

– Завулон инициировал четырнадцать ребят. Хотел, чтобы вы все обратились ко Тьме, но наш Тайный Дозор вмешался. Семеро стали Светлыми – в том числе ты, Марина и Артем Локшин. Утром первого мая Нелли бежала, умыкнув артефакт, принадлежавший Дозору. Гесер, мягко говоря, огорчился. Магическую игрушку она отдала своему дяде, чтобы спасти тому жизнь. Мы долго скрывались, не только из-за гнева Гесера. Дориан – давний враг Нелли, когда-то он убил ее мать. И вот спустя годы мы наконец-то решились покинуть убежище, двинули в Питер... вернее, – на скулах его проступили желваки, – теперь я думаю, нас выманили в Питер. Я скрывал семью ото всех, не понимаю, как они узнали о ней. Вчера мне пришлось уехать... и Темные нанесли удар. Все эти годы они точили нож.

– Они еще не добрались до твоей семьи. Значит, шансы велики.

Матвей быстро посмотрел сквозь Валю, и глаза его снова полыхнули.

– Они где-то прячутся, бредут сквозь холод и мрак – Нелли и Огонек. Возможно, пытаются бежать из города. Сегодня ночь откровений, слушай же все... Давным-давно одна сильная ясновидящая предсказала нам с Нелли ужасную беду. Из-за того, что мы с ней вместе. Ничего определенного, это и страшно. Долгие годы мы жили в тени, боясь каждого встречного Иного. Волнения Сумрака. Странного облака на горизонте.

– Это как-то связано с вашим сыном?

– Он потенциальный Иной с несформированной судьбой. Понимаешь, что это значит? Лучше бы он родился обычным пацаном.

Валентина задумчиво разглядывала свои идеальные ногти:

– Везти его с собой в Питер было большим риском.

– Я все время себе это повторяю! – Матвей ударил кулаком по столу, и чашки подпрыгнули на блюдах.

– Предположу, – начальник Особого отдела осталась невозмутима, – Темные знают о мальчишке больше, чем ты сам.

Гордеев молча смотрел на нее, сжимая и разжимая кулак. Валентина подумала: «Он похож на метеор, готовый сорваться с места и нестись через ночь, сжигая и уничтожая, – только укажи цель». Эта мысль понравилась ей. Она всегда чувствовала безотчетную симпатию к этому неразговорчивому парню и жалела, что он давно отошел от дозорных дел, лишь изредка секретничал со Скифом. Теперь все изменится.

Она сжала его руку и вдруг придвинулась близко, и глаза ее были огромными, пронзительно-голубыми, как мартовский лед.

– Мне кажется, Темные выманили в Питер именно его, а не тебя или жену. Это не личная месть, не частная акция. Задействованы большие силы. Кто знал ваш адрес в Питере?

– Мой прямой начальник, Лесник.

– Светлый маг? Аналитик?

– Да.

– Ты доверяешь ему?

– Я никому не доверяю. Но какой смысл ему сливать меня Темным?

– Не тебя... твоего мальчика. Где Лесник сейчас?

– Дома, полагаю. Я должен был встретиться с его связным в Москва-Сити, но тот не явился. Я посчитал, что без Скифа не обойтись.

– Скиф нам пока не помощник. Пей кофе, остывает.

– Валя, скажи – Ночной Дозор поможет мне?

Девушка посмотрела на него с сочувственной улыбкой:

– Ты о Договоре-то не забывай. Официально Темные в своем праве. Дневной Дозор просто пришел проверить регистрацию – а их бомбой, как рыбу в пруду, глушат. Они уже заявили протест – и теперь мы обязаны сдать им Нелли в случае поимки.

– Солги им. Если Темным нужен Огонек, пусть думают, что в Питере его нет.

– Предлагаешь позвонить Завулону и сказать: мальчишку в Петербурге не ищите? – Валентина усмехнулась. – Старик тысячу лет учился распознавать ложь. – Она включила интерком. – Галочка, там Марина еще не вернулась? Отправь ее ко мне бегом.

– Что ты задумала? – спросил Кот.

– Увидишь. У тебя есть фотография сына?

Он достал смартфон, показал Валентине несколько фото. Беловолосый мальчик в джинсах и красной футболке сидел на диване, прильнув к улыбающейся молодой женщине. Сам он не улыбался, напротив – выглядел печальным и как будто усталым, словно не спал целую ночь. Он казался очень спокойным – в отличие от матери, которая хоть и улыбалась, но смотрела в объектив с легким недоверием, как бы говоря: точно ли нужно так рисковать, делая снимки, которые неизвестно кто может увидеть?

– Симпатичный парень, – сказала начальница Особого отдела, – это свежие фото?

– Позавчерашние.

В кабинет вошла Марина – тоненькая и легкая, как эльф, неслышно опустилась на стул, с веселым любопытством прищурилась на Кота.

– Что нового у кровососущих? – спросила Валентина.

– Скука и декаданс. Ревнивый любовник вскрыл горло своему парню.

– Значит, ты опять угадала.

– Это было не трудно. – Девушка ободряюще подмигнула Матвею.

– Вопрос закрыли?

– И не открывали. Темные даже извинились передо мной за беспокойство.

– Слушай, Мариш, побудь тут пять минут. Когда установится связь, не говори ни слова, хорошо?

Сумрак колыхнулся. Валентина произносила длинное заклятье, в котором Гордеев узнал детали знакомого ему «хамелеона» – и вдруг понял, что на месте Марины сидит Огонек. У Матвея перехватило дыхание, пульс превратился в пулеметную очередь. Он едва удержался от того, чтобы броситься к сыну и стиснуть его в объятиях, но тот непонимающе хлопал ресницами и с удивлением оглядывал себя.

Ох, неспроста Валентина всего за несколько лет поднялась до первого уровня Силы.

– Валюш, я что – мальчик? – спросила Марина.

– Нет времени объяснять. Матвей, сядь рядом с ней – чтобы оба попали в объектив.

Она развернула к ним широкий экран; на нем уже проступил сине-зеленый интерфейс скайпа. Матвей прочел имя контакта, и по спине побежали ледяные коготки.

«Артем Локшин, заместитель главы Московского бюро Инквизиции».

Тот ответил сразу же, словно ждал звонка:

– Валентина? – Голос Инквизитора был напряженным... да что там – он был почти испуганным.

Из темноты на экране соткалось бледное, очень красивое лицо, подсвеченное лампочкой смартфона. Матвей сразу узнал его, хотя видел только двенадцатилетним мальчишкой. Высокий ясный лоб Артема пересекли глубокие морщины, брови сошлись к переносице. Он стоял посреди ночной улицы, на его черных, безупречно уложенных волосах блестели брызги дождя. На груди у Инквизитора покачивался золотой амулет с ярким сапфировым глазком.

– Доброй ночи, Артем, – торопливо заговорила дозорная, словно боялась, что он спросит ее о чем-то, не относящемся к делу. – Ты уже знаешь, что случилось в Питере?

– Я сейчас на месте. Тут настоящая бойня. – Матвею показалось: в его голосе прозвучала нотка неуверенности, словно он ждал от нее каких-то других слов, но тут Инквизитор заметил Светлого мага, и взгляд его затвердел: – Кот?

– Так меня не называли очень давно.

– Я знаю все твои имена, Матвей Гордеев. Так ты в Москве?

– Со вчерашнего дня.

– Кто-то может подтвердить твоё алиби?

– Алиби железобетонное.

– Поведай мне, Кот, – что это за побоище?

Инквизитор оборотил камеру смартфона в сторону, и Матвей узнал двор своего дома на набережной Карповки. У входа в парадное мыкались неприкаянно три-четыре тени (патруль Дневного Дозора), рядом на асфальте лежали в ряд словно бы какие-то коряво обрубленные поленья разной длины, накрытые мокрой серой пленкой. При порывах ветра она издавала неприятный хлопающий звук. Во двор медленно, задним входом, вкатывалась черная «Газель».

– Я все время находился в столице, вместе с сыном, – хладнокровно проговорил Матвей и положил руку на плечо лже-Огонька. – Полагаю, на мою жену напали, и она защищалась.

Артем быстро оцупал лицо его «сына» взглядом. По скайпу он не мог видеть ауры, но Светлые все равно почувствовали себя как троица насекомых под лупой. Под рукой Матвея плечо Марины напряглось. Обманывая Инквизицию, Валентина и ее помощница шли на серьезный риск. Если ложь вскрыется, не избежать скандала. Ясно теперь, почему Валя не предупредила соратницу о ее роли, – чтобы та не попала под наказание. Взгляд Локшина был тяжелым, буравящим и надменным. Взор Судьи. Казалось, он может прочесть мысли, и если результат ему не понравится – пиши пропало. Такой взгляд мог бы быть у взведенной гильотины.

Как изменился мальчик за семнадцать лет...

– Я дам тебе три часа, – процедил Инквизитор, – чтобы связаться с женой и доставить ее ко мне. Иначе ты становишься соучастником.

– У меня нет с ней связи, – ответил Светлый.

– Найди способ.

– Она не выдаст себя так глупо.

– Она не сможет прятаться вечно.

– О, ты плохо ее знаешь.

– Зато знаешь ты – и ты поможешь мне.

– Артем, – мягко проговорила Валентина, – не торопись вершить суд. Думаю, тебе стоит получше приглядеться к тем, кто сейчас ищет Нелли в Питере. И еще – поговори с начальником аналитиков Ночного Дозора. Это он услал Матвея в Москву.

На экране скайпа было видно, как грузчики принялись складывать трупы в «Газель». Капли дождя барабанили по борту машины.

– Мне не нужны советы, – сквозь зубы ответил Артем, – мне нужно знать, какого дьявола здесь творится. Матвей Гордеев, ты останешься в штабе Ночного Дозора. Валентина, поддержи его у себя до моего возвращения. Это приказ.

Экран потемнел.

– Задержишь меня? – угрюмо спросил Матвей.

– Я не имею права нарушить приказ Инквизитора, – дозорная развела руками, – но ты можешь вероломно бежать из-под стражи.

– Спасибо. Тебе не влетит?

– Думаю, Артем простит меня.

Гордеев кивнул, залпом выпил кофе, встал:

– Я твой должник.

– Сочтемся, – подмигнула Валя, – что собираешься делать?

– Думаю, Нелли постарается добраться в Москву. Отправлюсь ей навстречу.

– Хорошо. Намекну своим ребятам, чтобы тебя не замечали несколько часов. А потом – извини...

Матвей не ответил. Он наблюдал, как лже-Огонек превращается обратно в Марину. Образ мальчика колебался в воздухе, словно мираж, растекался и плыл – Гордеев подавил ребяческое желание протянуть руку, чтобы прикоснуться к чуду, – и вдруг это снова была тонкая русоволосая девушка с хитрым взглядом. После того как трансформация закончилась, в воздухе остался легкий запах лавандовых лепестков.

– Кажется, я поняла ваш план, – сказала Марина, разглядывая свое отражение в металлическом чайнике. – Артем в Питере среди Темных, он расскажет им, что сын Матвея в Москве. Бедняги бросятся искать его здесь, и твоей жене и ребенку будет легче бежать.

– Я надеюсь на это, – ответила Валя, – думаешь, сработает?

– Возможно... если только они уже не вырвались из Питера. А если они уже здесь?

– В любом случае мы сбили их с толку. Что говорит твоя интуиция?

– Хотела бы я порадовать тебя... Но боюсь, это не тот случай, когда можно довериться интуиции. Если пробил твой час – от судьбы не сбежать.

* * *

*Тверская область, Бологовский район
20 сентября 2015, 03:54*

Нелли выхватила револьвер – но выстрелить не успела: странное существо двигалось по вагону с невероятной скоростью. Будто сама Тьма вдруг ударила Светлую Иную, смяла, глаза обжег алый луч, мир крутнулся вокруг оси – и она обнаружила себя на полу. Живот и бок справа тяжело пульсировали болью, словно по ним прокатилась телега.

Нелли не потеряла сознание. Задышавшись от тычка в солнечное сплетение, она слышала, как грохот тяжелых шагов перекрыл стук колес.

Он пришел за Яриком! Вставай! Вставай же!

Она нашарила револьвер, со стоном поднялась на ноги – и увидела перед собой наполненные ужасом глаза Лины.

– Спрячься в купе, – процедила Нелли.

Тем временем Огонек захлопнул дверь, ведущую к туалету, и подпер ее стальной тумбой с мусором. Чудовище налетело на преграду, с оглушительным дрызгом вышибло стекло (осколки разлетелись лунным бисером). Дверь поддалась – но не открылась.

За все это время странное создание не издало ни звука.

Нелли вскинула оружие. Темноту разорвали вспышки огня, от грохота выстрелов в узком пространстве заложило уши. Две пули высекли из тела монстра искры.

Искры!

Металл. Это робот! Вот почему у него нет ауры...

Они оставили в поезде робота!

Стрелять не имело смысла. Пули его не возьмут. И большинство боевых заклятий, применимых против людей или Иных, для робота не опасны.

Что же делать? Думай!

В едком облаке плывущих по коридору пороховых газов Нелли прицелилась в мерцающий алый глаз – но промахнулась: стрелять в темноте по подвижной мишени слишком сложно. Еще два выстрела пропали зря.

В купе за стенкой испуганно гомонили пассажиры.

Робот не обратил никакого внимания на Нелли и ее пули: он уже проломил широкую дыру в двери и протискивался сквозь нее к тамбуру, сворачивая лист стали в блинчик. В лунном свете мелькнуло белое лицо мальчика.

– Беги, Ярик!

Кто-то взял ее за плечо, с силой оттолкнул в сторону. Нелли рывком обернулась и увидела Полину. Губы ее спутницы быстро двигались, вербализуя колдовскую формулу.

Внезапно пол под стальным истуканом исчез, словно обратился в пар, – и монстр рухнул вниз. Вагон заполнил оглушительный перестук колес, яростный холодный ветер взвил шторы на окнах. В последний момент робот успел ухватиться стальными клешнями за край образовавшегося пролома и принялся подтягиваться обратно в коридор. Его суставы сгибались с воющим электрическим звуком.

Поезд трясло – казалось, инерция падения утянет стальную тварь во мрак, но она обладала чудовищной силой. Над черной дырой провала показался металлический колпак – и острый алый луч снова обжег глаза Нелли.

Она не успела ничего сделать. Полина ударила тварь «прессом». Край пролома откололся, словно кромка льдины, и сжимавшие его стальные клешни канули в темноту. Поезд дважды подпрыгнул на ходу, взвизгнул металл – и состав понесся дальше.

– Кажется, я убила его, – с удивлением сказала Полина.

В наступившей тишине застучали двери, из купе выглядывали встревоженные заспанные лица.

Пришлось снова пускать в ход «Морфей», а затем приводить вагон в порядок. Сумрак еще хранил форму материи в том виде, в каком она была до нападения, и женщинам удалось быстро восстановить все разбитое, убрать следы копоты и стреляные гильзы; заделать дыру в полу. Сложнее оказалось вернуть на место пассажиров – пришлось обходить все купе и поднимать на полки спящих людей. Завтра они будут думать, что видели дурной сон. Когда с этим было покончено, женщины вернулись в свое купе и без сил упали на полки.

Нелли ждала, что придется успокаивать перепуганных детей, но ее встретил восторженный взгляд Лины:

– Здорово вы его! А меня научите так колдовать?

Полина провела рукой по рыжим вихрам девочки:

– Обязательно. Только не сейчас.

– Спасибо тебе, Полина, – голос Нелли дрожал, – я что-то растерялась. Давно в бою не была.

– А чудовище не вернется? – спросила Лина.

– Нет. Его переехал поезд.

– А кто это был? Великан?

Нелли села рядом с сыном, прижалась к нему. Мальчика била легкая дрожь.

– Не могу поверить, – тихо проговорила Полина, – робот. Робот, понимаете?

– Для Иного, – покачала головой Нелли, – не самый сложный враг. Я могла уйти в Сумрак и стать для него недосыгаемой.

– Ему была нужна не ты, – возразила Полина.

Все посмотрели на Огонька.

– Ошибаетесь, – криво усмехнулся мальчик, – я им не нужен. Я даже не волшебник.

– Ярик, – Линка села рядом с Огоньком, взяла его за руку, – робот оттолкнул твою маму и бросился за тобой. Мы все это видели. А ты не растерялся! Ты молодец.

– Я просто закрыл ему путь.

Полина снова взяла слово:

– Нелли, ты, конечно, могла уйти в Сумрак, и робот тебя не достал бы. Но и тебе труднее справиться с ним. Если «прессом» ты сшибаешь с ног человека или Иного, то для такой машины это пустяк. Он не боится файерболов или заряженных магией пуль и клинков, многих заклятий. Времена меняются. Дозоры используют все больше техники – она уже доступнее, чем магия.

– Считаешь, в поезде он был один? – тихо спросила Нелли.

Дети с тревогой посмотрели на Полину. Женщина кивнула:

– Конечно. Были бы другие, они пришли бы ему на помощь. Думаю, у Темных остались сомнения после разговора со мной, и они оставили его на всякий случай. Я бы почувствовала ауру Иного рядом, а стальную машину – нет.

– Видишь, Линка, что такое жизнь волшебников, – грустно усмехнулся Огонек. – Вот тебе и Хогвартс.

Нелли отозвала Полину в коридор:

– У тебя есть оружие?

– Я же не дозорная. В жизни не держала в руках ничего опаснее кухонного ножа.

– Тебе стоит сойти на ближайшей станции. С нами ехать слишком опасно.

– Но робот был единственным...

– Шут с ним, с роботом. *Они* идут за Огоньком, как голодная волчья стая. Вчера я подслушала разговор Темных в Питере. Их главный сказал что-то вроде: если не найдете пацана, всех нас ждет кое-что хуже смерти.

В голосе Нелли появилась спокойная обреченность. Полина внимательно слушала, сложив на груди руки.

– Что за чудо-ребенок? – спросила она шепотом. – Несформированная судьба – еще не повод для такой облавы.

– Никакое он не чудо, – устало опустила голову Нелли. – Великим просто понадобилась новая живая игрушка для их бесконечных разборок. Было одно пророчество... насчет меня и Матвея. Неясное предсказание о какой-то беде.

– И вы боитесь, что оно перейдет на сына. Давно прячетесь ото всех?

– Всю жизнь.

За окном снова потянулся лес. Небо очистилось, ярко засияли звезды. В купе вокруг дружно похрапывали пассажиры.

– Я не сбегу, Нелли. Не брошу вас.

– Спасибо, конечно. Но вряд ли ты сможешь помочь. *Они* нападают большими силами и не оставляют в живых никого.

– Я тебе уже дважды помогла. Вдруг и в третий раз получится. – Она задумалась на мгновение. – Так что же может быть для *них* хуже смерти?

– Что?

– Да ничего. Если только... глобальное поражение Тьмы.

Они вернулись в купе. Полина с новым интересом посмотрела на Огонька. Мальчик ответил ей взглядом спокойных голубых глаз:

– Теперь можно поспать? – и завернулся с головой в одеяло.

* * *

Франция, Париж, Елисейские Поля

11 мая 2015 года, 20:00

– Валя, ты сводишь меня с ума, – проговорил Артем тихо, словно в бреду.

Он затаил дыхание и пожирал ее глазами, ожидая ответа, – но Валентина только взяла его под руку и лучезарно улыбнулась.

Они шагали по цветущему скверу – пронзенные сиреневыми и розовыми лучами, оглушенные стрекотней птиц, и впереди, как золотой маяк, сиял шпиль на площади Согласия, за ним лилась расплавленной медью Сена в сизых пятнах лодочек, и уличный оркестр наигрывал «Something stupid» – а над всем этим дышало, мерцало и осыпалось расцветающими звездами индиговое вангоговское небо.

– Здесь чудесно, – сказала Валентина, нарушив затянувшуюся паузу. – Спасибо, что привез меня сюда. Чувствуешь? Пахнет розами... и свежим хлебом...

– Ты бывала в Париже раньше?

– Никогда! Сегодня – впервые.

– Завидую. Столько всего тебя ждет.

Смеясь, они пересекли площадь (Локшин купил у цветочницы пунцовую розу и вручил Валентине), поднялись на летнюю веранду ресторана. Им навстречу величаво выступил бронзовокожий метрдотель в полосатой ливрее, напомнившей о славных временах Бурбонов, Валуа и Монпансье.

– Добрый вечер, мадемуазель, месье, – он изобразил легкий поклон, – вы бронировали столик?

– Нет, мой друг, мы только что прибыли в вашу страну, – на чистом французском языке отвечал Артем.

– Тогда я вынужден огорчить вас: мест нет.

– Вы дадите нам место – там, где я укажу.

– Вы не поняли, месье...

– Нам подойдет вон то, в углу, у орхидей и карликовых пальм.

Метрдотель, упрямое дитя Магриба, замигал шоколадными веками:

– Месье, осмелюсь обратить ваше внимание на табличку «Réserve» на столике.

– Вы уберете ее и больше не будете докучать мне с этим. – Артем коснулся руки распорядителя – и тот застыл в лиловом парижском воздухе, словно восковая фигура.

– Да, конечно, месье, – произнес он с тихим удивлением.

– Так-то лучше, мой друг. Тащите сюда официанта.

Инквизитор и Светлая дозорная расположились среди пальм и орхидей. Валентина смотрела вокруг с рассеянной улыбкой, словно чувствовала какую-то неловкость от этой роскоши. На щеках ее проступил легкий румянец, коса горела золотом на солнце, изящное платье из белого шелка ужасно походило на свадебное – и Артем, мельком подумав о предстоящей ночи, испытал стремительное головокружение, будто залпом осушил бокал шампанского.

– Будешь устрицы? – спросил он. – Или лапки лягушек?
– Что ты сделал с этим малым? – с шутливой укоризной сказала Валентина. – Воздействие шестого уровня... это нарушение. Вдруг рядом французский Дозор?

– Ради тебя, – сверкнул глазами Артем, – я нарушу все договора в мире.

Валентина рассмеялась:

– Слышал бы это твой начальник, Натан Иванович.

– Кролевский? С тех пор как я в Инквизиции, он сделался беспечным пенсионером. Скажу по секрету: Натан очень устал. Еще пара лет – и он отойдет от дел. А главой Московского бюро стану я.

Не торопясь они съели ужин – камамбер, устрицы и бутылка «шабли» – и заказали кофе. От вина в глазах девушки зажглись веселые искорки.

– Восхитительное место, – сказала она. – Куда дальше, Артем?

– Куда пожелаешь. Ночной Париж ждет нас.

– Будем гулять до утра?

– Стоило ли заказывать королевский номер с огромной кроватью в «д'Обюссон» – чтобы ночевать на улице?

Вино придало Артему смелости. Он наклонился к девушке и поцеловал ее в губы.

Щеки Валентины замело алым:

– Артем, номер... с кроватью? Мы не слишком торопимся?

– Век долгов, да час дорог, Валя.

– Век Иного куда дольше века тех, кто придумал эту пословицу.

– Перед вечностью мы все – мотыльки-однодневки.

– А ты не боишься, что пойдут пересуды? Я Светлая, первого уровня, из Ночного Дозора, ты – Инквизитор...

– Опять ты об этом, – поморщился он, – для того мы и убрались за тысячи километров от Москвы – чтоб не начинались пересуды.

– Но если пойдут слухи – я могу остаться без работы.

– Придумаю что-нибудь. Возьму тебя к себе в бюро. Я и сам был Светлым дозорным когда-то!

– И многие в Ночном Дозоре твой уход расценивают как предательство.

– Вздор. Разве я первый Светлый, кто примкнул к Инквизиции?

– Не первый. Но тебя, меня и прочих «лужниковских» Завулон готовил как острие для удара по Свету. Лишь чудом Тайному Дозору удалось уравнивать расклад. И ведь ты был самым сильным из нас!

– Пустое теоретизирование в стиле Гесера. – Локшин отхлебнул кофе, глядя на метрдотеля. Тот покачивался, как пьяный, в своей исторической ливрее у входа в ресторан, не замечая ничего вокруг. Проходившие мимо подростки со смехом фотографировали его на смартфоны. – Пусть зовут предателем, мне нет дела. На моей стороне правда.

– Правда у всех своя.

Артем заметил ироничную улыбку на губах Валентины и резко подался к ней:

– Правда только одна – закон! Великий Договор. Если бы все понимали это и чтили его, мы бы горя не знали. Представь себе тысячелетний мир без крови, без вечных интриг.

– Тогда нам всем пришлось бы стать Инквизиторами, – рассмеялась девушка.

– То был бы лучший день в истории.

– Ты серьезно? Хочешь всех Иных сделать Инквизиторами?

– Мечтаю об этом. Взгляни на меня – я стал Инквизитором и не жалею.

– Ты утопист, Артем. Свет и Тьма слишком различны.

– Для меня нет разницы. Да, я был Светлым когда-то, но все изменилось. Нужно просто принять, что Свет и Тьма равноправны и равноценны.

– Но Свет и Тьма не растворятся друг в друге. Будут тысячелетние сумерки, без печали – но и без радости.

– Валя, даже люди после всех войн смогли договориться и живут в мире – по крайней мере цивилизованная часть человечества. Худой мир лучше доброй ссоры. Ведем войну уже тысячу лет, нас учили, что жизнь – это бой...

Инквизитор допил кофе, бросил на стол несколько зеленых купюр. Парочка вышла из ресторана и направилась в сторону Тюильри. Золотистый вечер погас, и воздух стал черно-синим, хвойным, густым. Артем закурил, Валентина рассеянно любовалась подаренной им розой:

– В твоих словах что-то есть. И я даже хотела бы поверить в тысячелетний мир... но не получается.

Артем затянулся сигаретой, выпустил дым к небу – там разгоралось все больше звезд:

– Конечно, Валя, ведь ты очень умна. Чтобы примирить Свет и Тьму, нужно какое-то колоссальное, непредставимое чудо. Сама стихия Сумрака должна быть в согласии с этим. Мы могли бы попробовать воплотить эту мечту, могли бы – но нужно желание многих сильных, Великих. А может быть, начать с малого? Ты и я...

Он не договорил. Что-то творилось в полутьме под липами в саду Тюильри. Там, куда не проникал свет уличных фонарей. В Сумраке прокатился хлопок и эхо удара – за ним последовал ответный. Еще один – и еще, сильнее, звонче. Валентина узнала холодное упругое волнение, наполняющее азартom сердце, разгоняющее кровь перед дракой.

– Вот доказательство моей правоты, – указала она.

Двое – Светлый и Темный. Молодые и не особо сильные: пятого-четвертого уровня. Из-за чего они сошлись в поединке? Случайная стычка? Личная неприязнь? Дуэль? Этого Валентина и Артем так никогда и не узнали.

– Это доказательство их дури, – отвечал Инквизитор.

Он остановился у края пешеходной дорожки и наблюдал, как Темный проворно запустил в Светлого оппонента целой серией файерболов – и тот встретил их «щитом мага». Рваные протуберанцы пламени таяли в Сумраке. Светлый атаковал серией разящих ударов шпагой (яркие росчерки во Тьме), и Темный с трудом парировал их своей. В физическом мире на месте их сражения, казалось, ничего не происходило – но гулявшие в парке люди неосознанно обходили это место стороной. Валентина еще не ощущала тревоги, предчувствие предало ее, она лишь мельком отметила, что французские Иные предпочитают шпаги мечам.

– Пойдем, – сказала девушка, беря спутника за руку, – это не наше дело.

Артем не сдвинулся с места.

– Ты не на работе, – напомнила девушка, – не тебе судить их. Пусть разбираются местные Дозоры, прошу тебя. Не хочется портить вечер.

– Скоро прибудет местная Инквизиция. Я буду свидетельствовать для нее.

Валентина подошла к Артему, взяла за руку... и поняла: все его тело сотрясает легкая дрожь, как у гончей при виде зайца.

– Друг мой, разве за этим мы приехали в Париж? – сказала она.

Артем посмотрел на нее долгим взглядом и как будто пришел в себя. Начавшаяся ночь обещала стать самой прекрасной в его жизни. Он сделал шаг следом за подругой – но в следующее мгновение один из драчунов ударил в соперника «полярным дождем», и тот с трудом отбил его. Ледяная крошка веером разлетелась по парку, и несколько мелких крупниц хлестнули по лицам московских Иных.

Валентина вскрикнула от боли, и тут же взбешенный Артем бросился к дуэлянтам, на ходу доставая до отказа накачанный Силой жезл:

– Всем выйти из Сумрака! Инквизиция!

– Артем, постой, – воскликнула девушка, – это же пустяк!

– Сложить оружие! – Артем великолепно говорил на французском. Драчуны услышали его и заколебались. Темный сразу же бросил шпагу и вскинул ладони к небу. Он повернулся к Артему, улыбаясь, всем видом демонстрируя миролюбие.

Светлый же то ли не успел остановить движение ладони, то ли в горячке не услышал слов Артема (он находился чуть дальше) – и заклятие «тройного лезвия» полетело в Темного за мгновение до того, как тот прекратил сражаться.

Защита Темного не выдержала и лопнула с тонким хрустом. Три лезвия вошли в спину между лопаток, пробили дуэлянта насквозь и растаяли в Сумраке с едва слышным мелодичным звоном. Если бы он не отвлекся на голос Артема – легко увернулся бы: расстояние между врагами было приличным.

Темный обернулся и посмотрел на своего соперника с каким-то детским изумлением; он неловкими жестами пытался остановить открывшийся водопад крови – затем упал на колени. Хотел что-то сказать, но изо рта хлынула кровь.

– Санацио! – крикнула Валентина, сплетая заклятие, останавливающее кровотечение. Поздно. Француз лежал на траве без дыхания.

– Стоять на месте! – приказал Артем Светлому. – Подними руки и выйди из Сумрака!

Бледный как полотно беловолосый юноша с тонкой бородкой и ниткой усов отступил на шаг, посмотрел на Инквизитора с ужасом:

– Он погиб из-за вас. Какого дьявола вы влезли? Вы не парижанин.

– Московское бюро Инквизиции! Вы арестованы за убийство.

– Арестован? – Светлый вытер шпагу о пучок листьев и бросил ее в ножны. – Это не ваша страна. Зачем вы вмешались? – спросил он. – Я не собирался убивать его.

– Суд разберется, – отчеканил Артем. – Сдайте оружие.

Юноша, дрожа от ярости, отступал к парковой дорожке:

– Катитесь к черту, безумец.

– Стоять на месте, это приказ!

– Не имеете права...

– Последнее предупреждение! – Инквизитор вскинул жезл. Аура его полыхала удивительным цветком серебристо-серого огня.

– Вы не имеете права приказывать здесь, идиот!

– Артем, не надо! – воскликнула Валентина. – Прошу тебя, остановись!

Француз высокомерно вскинул голову, повернулся и направился в сторону площади Согласия. Потом не выдержал – и побежал.

«Площадь Согласия – какая насмешка», – успела подумать Валентина.

Артем, белый от ярости, взмахнул жезлом.

– Нет! – крикнула девушка.

Чистая молния Силы ударила Светлого в спину, и тот без движения рухнул на асфальт: пустая оболочка, высосанная Сумраком начисто.

В наступившей тишине слышались далекие гудки автомобилей да негромкая музыка в исполнении уличного оркестра у станции метро «Конкорд».

Валентина быстрым шагом направилась прочь – в бархатное черное небо, горящее мирадами живых огней. Локшин, спотыкаясь, бросился следом. Он вдруг больше всего на свете захотел открутить все вспять. О, если бы можно было сейчас метнуться на две минуты назад, чтобы просто пройти мимо! Он отдал бы за это много лет жизни, отдал бы все, что имел, – даже свой инквизиторский чин.

Артем взял Валентину за плечо, но та вырвалась с рычанием дикой кошки. Он схватил ее снова – с силой, до боли сжав пальцы, – и тогда девушка обернулась и наотмашь ударила его по лицу. Звезды мерцали в ее слезах:

– Неужели ты не понимаешь, что убил их обоих?

– Черт возьми, я пытался делать свою работу! Я Инквизитор!

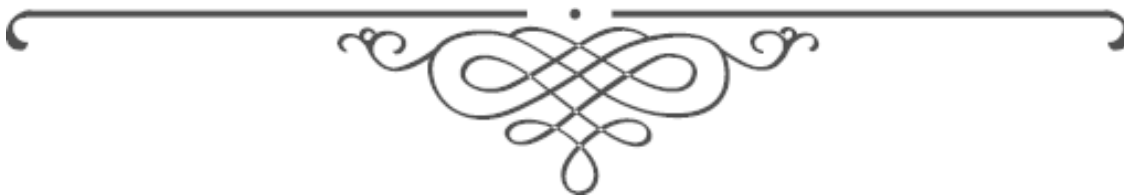
– Ты злой мальчишка, которому в руки свалилась Сила, вот кто ты!

Она прошептала заклятье – и шагнула в искрящийся прямоугольник портала.

А в парке Тюильри в теплом сиянии старинных чугунных фонарей над двумя трупами ласково шелестели листвой старые липы.

Глава 4

*Московская область, городской округ Клин,
около станции «Решетниково»
20 сентября 2015, 07:12*

«Сейчас или никогда», – подумала Нелли.

Поезд «Санкт-Петербург – Адлер» тащился вперед все медленней и тяжелей, словно невидимые глыбы камня повисали на его колесах. Дети спустились на нижнюю полку – наверху им было неудобно. Огонек сразу провалился в сон, Лина же долго крутилась под одеялом, затем прижалась к спящему мальчику и только тогда забылась беспокойным сном.

Полина смогла уснуть, лишь наложив на себя «Морфей».

Нелли осталась на часах. Она сидела на краешке полки у двери купе – изящный силуэт в полумраке – и вслушивалась в перестук колес, сжимая в руке револьвер с последними двумя пулями.

Звездная чернота над лесом сменялась нежной синевой: поезд выезжал из страны ночи в рассветный край. В бледном утреннем полумраке Нелли увидела, как ее сын повернулся на бок и, не просыпаясь, улыбнулся и обнял Лину. Мальчик и девочка лежали рядом и смотрели свои детские сны. Рыжие волосы девочки спутались с белыми локонами Огонька, их дыхание смешалось. Нелли долго смотрела на их слившиеся ауры – радужную и апельсиново-оранжевую. Час покоя и безмятежности на исходе тревожной и мрачной ночи.

«Ярик сейчас по-настоящему счастлив, – подумала Нелли. – Счастлив, как не был уже давно».

И что-то словно подтолкнуло ее. Наитие, шестое чувство, материнский инстинкт... Она задохнулась – как если бы в лицо плеснули ледяной воды.

Сейчас или никогда.

От страха упустить момент во рту стало сухо. Нелли простерла руку над спящим сыном. Исцарапанная в драке ладонь слегка дрожала. Столько лет мы с Матвеем размышляли о том, как это случится, столько лет не решались – потому что ужас был сильнее надежды. Светлый или Темный?

«Наверное, здорово, когда муж и ребенок – Иные», – сказала вчера Полина. Но это было не совсем верно. Ее сын не был Иным. И не хотел им быть. Почему? Нелли устала задавать себе этот вопрос.

Ему не нравится ваша вражда. Этот хищный кошачий блеск в глазах отца – и это вечное скрытое беспокойство в глазах матери.

Нет, было что-то еще. Нечто в глубине его вечно печальных глаз, невысказанное, неосознанное.

Несформированная судьба. Решать Сумраку. И знаешь, мы с мужем очень боимся его решения.

Может быть, глубоко внутри себя Огонек знает нечто, не доступное никому... Нечто, запертое в подсознании.

«Ты тоже не хочешь знать этого», – с бешено колотящимся сердцем подумала Нелли. Возможно, это знание было когда-то твоим и перешло ему по наследству – а твоя память мило-сердно избавилась от него. Тонкие пальцы волшебницы затрепетали. Нет, нет, нет – уж легче думать, что твой сын принадлежит только тебе!

Огонек улыбался во сне. Лина сладко вздохнула и обняла его в ответ, на лице ее застыло выражение одновременно счастливое и слегка капризное. А лицо мальчика словно светилось изнутри.

Я с первого дня не могла отделаться от мысли, что придется его хоронить и жить дальше.

Нет. Только не такая судьба.

Простит ли он тебя?

Простит, когда поймет. А лучшего шанса, чем сейчас, возможно, не будет никогда.

Светлый или Темный? Только не Темный, пожалуйста, пожалуйста!

Счастливый человек должен стать Светлым Иным. Но судьба Ярика не определена...

Сумрак вокруг Нелли пришел в движение, завертелся медленным вихрем. Она ласково провела рукой по щеке сына, и в неверном свете нарождающегося утра его образ заколебался, потускнел, как на старой выцветшей фотографии. За минуту до того, как произошло непоправимое, обе их спутницы – Полина и девочка – открыли глаза. Не просыпаясь, не шевелясь, они смотрели на совершающееся чудо.

Чудо обращения человека в Иного.

Огонек проснулся уже в Сумраке.

Светлый или Темный?

* * *

Санкт-Петербург, набережная канала Грибоедова

20 сентября 2015, 07:28

По черной ряби канала плыли отблески огней. Собравшимся на берегу не нужен был свет для того, чтобы увидеть друг друга, но из уважения к тому, кто их создал (а еще больше из страха перед ним), в промозглом воздухе подвесили несколько огненных сфер, издали похожих на факелы. Пятеро Темных – трое мужчин и две женщины – наблюдали, как на мосту над каналом появилось серое мерцание, и из него, словно ангел из сияющего облака, спустился Инквизитор первого уровня Артем Локшин. Его аристократически бледное, обрамленное черными волосами лицо выражало безмерную усталость и презрение ко всему, на что падал взгляд. Чекистская кожанка скрипела при каждом шаге, а рукоять двуручного меча на бедре играла серебром. Мерцающее сапфировое око амулета на его груди казалось живым.

– Восемнадцать погибших, – бросил он вместо приветствия, – в том числе Гаш, вожак петербургского Дневного Дозора. И всего один раненый.

– Пострадавший, – поправил его один из Темных, – у него психологическая травма. Наши целители им уже занимаются.

Это был высокий мужчина в кожаном плаще буро-серой змеиной расцветки. Он казался крепким и довольно молодым, но длинные, зачесанные назад волосы его были абсолютно седыми. На бледном до голубизны гладком лице выделялись большие узкие глаза – холодные, с вертикальными зрачками.

– Соккрытие правды, – проговорил Артем, облокотившись о перила набережной, – вот худший грех перед судом. Ничто так не оскорбляет правосудие, как ложь и тайны дозорных интриганов. Подумай об этом, Тайпан, прежде чем отвечать на вопросы.

– Можно поклясться говорить правду и ничего, кроме правды, – и уже в этом солгать.

– Я не прощаю ложь даже вашим вождям – а холуи вроде тебя за каждое слово лжи заплатят дорогую цену.

Тайпан ничем не показал обиды, лишь его змеиные зрачки стали еще тоньше.

– О, ваше инквизиторское сиятельство! – прошипел он с иронией.

– Довольно расшаркиваний. Вы, Темные, натравили на одну-единственную Светлую женщину свору головорезов – но она больно щелкнула вас по носу. Как же это вышло?

– Судье и защитнику Великого Договора стоит быть более дипломатичным. Ты возбуждаешь гнев и недоверие к Инквизиции в моих подчиненных.

Он взмахом ладони указал на четверку Темных за спиной.

Вопреки его словам подчиненные, казалось, откровенно скучали. По правую руку от Тайпана высился коротко стриженный мрачный гигант, затянутый в кожу: сплетение мышц, толстая лобовая кость и маленькие безразличные глазки. «Машина для убийств Светлых волшебниц и их детей», – промелькнуло у Артема. Чуть в стороне стояла высокая изящная девушка в черном, Инквизитор безошибочно определил в ней боевого мага-перевертыша третьего уровня. Рядом – рыжеволосый молодой человек с повадками кота и юная брюнетка в очках. Встретившись взглядом с Артемом, она робко опустила длинные ресницы и почти перестала дышать.

Всех их Локшин знал с детства. Много лет назад они познакомились в детском лагере «Лесная сказка», затем вместе стали Иными в ночь первомайского шабаша. Пятеро из семи, что обратились ко Тьме. И где-то заняты темными делами еще двое. Теперь они семеро – Особый отдел Дневного Дозора Москвы.

– Не юли, змей, – проговорил Инквизитор, подходя вплотную к Тайпану. – Я хочу знать, что здесь произошло. Я ни за что не поверю, что Гаш отправил на смерть свою гвардию и сам сложил голову ради проверки регистрации у заезжих Светлых.

Тайпан спокойно встретил его давящий взгляд:

– Как я слышал, Гаш получил информацию, что в квартире дома номер тридцать находится нечто очень важное. Источнику он доверял.

– И что же это?

– Мы тоже хотели бы знать.

– Не ты ли, Тайпан, подкинул Гашу эту информацию?

Темный маг усмехнулся кончиками губ:

– Почему бы тогда уж не сам Завулон?

– Завулон в отличие от тебя умеет просчитывать последствия на несколько ходов вперед. Он бы не допустил катастрофы. Фактически Дневной Дозор Петербурга обезглавлен и обескровлен. Светлые не преминут воспользоваться этим.

Тайпан промолчал в ответ, лишь все та же тень улыбки скользила по его серым губам. «Похоже, ему все равно», – обескураженно подумал Артем.

– Итак, тебе нечего сообщить следствию? – спросил он.

– Говори с местным Дозором, Инквизитор. Это их рутина.

– Что же вы, москвичи, забыли в Петербурге?

– Эрмитаж посмотреть приехали, – вставил рыжий парень.

– Я не тебя спрашиваю, Локи.

Тайпан бросил короткий взгляд на подручного – и тот отступил в тень.

– У нас здесь встреча со старым другом, – пояснил Тайпан.

– У такой рептилии, как ты, бывают друзья?

– Представь, Артем, – мы, Темные, тоже умеем дружить.

Локшин ощутил нарастающее бешенство. Время убегало, а ни один ответ не приближал его к пониманию сути происходящего.

– Ночной Дозор тоже ни сном ни духом, – сказал он. – В квартире жил их сотрудник Матвей Гордеев, но он сейчас в командировке. О его жене никто не знал, у Светлых она в розыске с 1998 года. Что здесь творится, Тайпан? Осведоми правосудие!

– Это ты – правосудие? Всего каких-то четыре года назад ты был Светлым и убивал моих друзей. Почему я должен доверять тебе?

Голос Артема загремел:

– Ты забываешься, змеюка! Я давно уже не Светлый. Я беспристрастен, я – слуга Договора.

Темный боевик, гора мышц, сделал шаг к Артему – словно в воздухе поплыла черная скала. Он возвышался над Инквизитором на две головы.

– Мне плевать, чей ты слуга, – отвечал Тайпан, – наши дела тебя не касаются. Если мы что-то нарушим – будем отвечать. А сейчас убили наших друзей, и мы требуем отмщения!

Но Артем уже взял себя в руки:

– Кто же убил твоих друзей – Гордеевы, которые защищали себя, или ты сам – когда отправил Гаша на смерть?

Теперь Темный громила подошел к Артему вплотную, навис над ним, как бульдог над котенком, издавая странный рокочущий звук, будто внутри у него заработал ржавый двигатель, – но Инквизитор неуловимым движением выхватил золотой жезл и ткнул им Темного в плечо. Вспыхнула голубая искра – и гора мышц откатилась на шаг назад.

– Спокойно, Азиз, – сказал Тайпан, – мне не нужны разборки с Инквизицией. Доверять мы друг другу не станем, это верно, – но цель у нас сейчас общая.

Азиз, потирая обожженное плечо, отодвинулся. Темные смотрели на Артема с кривыми ухмылками, держа ладони поблизости от оружия. Только худенькая девушка в очках прижалась спиной к грязной стене дома, пытаясь унять дрожь.

– Тебе нужна информация? Изволь. – Тайпан снова был спокоен и холоден как ни в чем не бывало. Из рукава его плаща выскользнула тонкая черная змейка, лизнула раздвоенным язычком его ладонь и юркнула обратно. – Ходят слухи, что Светлые готовят какую-то большую мерзость. Собираются нарушить Договор по-крупному. Они не станут действовать открыто – но привлекут бывших дозорных, отставных профессионалов. Именно это узнал Гаш. Слухи – еще не факты, но он хотел проверить.

Артем слушал и размышлял. Змей, как всегда, смешивал правду с ложью, но кое-что вырисовывалось. Семья Гордеевых зачем-то понадобилась Темным. Матвей приехал в Питер, скрывая ото всех жену и ребенка. Однако как-то же вышло, что вчера он оказался с сыном в Москве – а жена со своим пятым уровнем в это время уложила целую Темную банду? Впрочем, мину мог установить и сам Матвей... в прошлом – профессиональный боевик Тайного Дозора.

– Информация за информацию, – сказал Инквизитор. – Я видел Гордеева сегодня ночью. Он сейчас в Москве, в офисе Ночного Дозора, ждет моего допроса... вместе с сыном.

Произнося последние слова, он внимательно наблюдал за Темными. Азиз и Тайпан остались бесстрастными, но трое остальных едва уловимо изменились в лице.

Дело в сыне.

Вот из-за кого восемнадцать Иных навсегда ушли сегодня в Сумрак. А Тайпан и его громилы отчего-то предпочли не приближаться.

– В штабе у Гесера, – переспросил Тайпан, – это не ошибка?

– Нет, я узнал кабинет, из которого шел видеозвонок, – объяснил Артем.

Локи присвистнул. Темные зашептались.

– Мы требуем его ареста и суда, – сказал их глава. – При допросе должен присутствовать наш представитель.

– Это решать суду.

– Я сообщу Завулону. – Тайпан оставался непроницаем – но Артем уже понял главное и решил, что встречу можно заканчивать.

– На здоровье. Но я запрещаю вам сводить с семьей Гордеевых счеты, – сказал он ледяным голосом. – Если нападете на след Нелли – сообщайте мне. На этом попрошаемся.

– Не могу тебе ничего обещать, бывший Светлый, – в тон ему отвечал Тайпан. Он повернулся спиной к Инквизитору и сделал жест своим: уходим.

Все пятеро удалились в сторону Вознесенского проспекта.

Инквизитор остался на месте. Он стоял, опершись на чугунные перила, и смотрел вслед пятерке Темных. Своим обострившимся зрением он видел сквозь Сумрак, как в квартале от него пять силуэтов стояли кружком, совещаясь, и разошлись в разные стороны. Артем ждал.

Один из силуэтов – точеная изящная фигурка с темно-синей аурой в розовых лепестках – сделал круг по району и торопливо побежал обратно. Темноволосая девушка в очках, похожая на старшеклассницу-отличницу.

– Здравствуй, Агата, – прошептал он.

Вместо ответа девушка прильнула к Артему, как кошка, и принялась покрывать его лицо поцелуями.

– Как я скучала, как скучала по тебе, любимый...

* * *

А где-то на залитом дождем Вознесенском проспекте Тайпан извлек из складок плаща смартфон и принял звонок. Номер не определился, но Темный маг знал, кто звонит.

– Я слушаю.

– Привет, дружок, – сказал насмешливо Дориан, – как там наш Инквизитор – еще не посадил тебя на костер за все твои грехи?

Тайпан мысленно выругался.

– Говори, что нужно, у меня мало времени.

– Обиделся... большие мальчики не должны обижаться на шутки, запомни, змей.

– Это все? Мне некогда болтать.

– Терпение, мой милый обижака... У меня есть новость. Я, кажется, знаю, где наши потеряльцы.

Взвыл в трубке ветер – и Дориан повысил голос, чтобы собеседник услышал его:

– Вообрази себе полотно железной дороги. Поезда несутся, хлещет дождь, и темно, как в крысиной норе. Но среди камней и вонючего мусора лежит нечто прекрасное. Стальной робот, размером с твоего бездельника Азиза, дергается и вертит башкой в агонии; у него один глаз – злющий, краснющий, – но встать малыш не может: поезд оторвал ему лапки. Представил?

– Что за чушь ты несешь? – зашипел Тайпан.

– Чушь висит у тебя промеж ног, дружок. Да, местный Дневной Дозор использовал робота. Разве не умно? Его не видно в Сумраке, он не боится многих заклятий... его подсадили к подозрительной Светлой пассажирке в сочинский поезд. Она отправила Самоделкина в металлолом – но он успел передать сигнал тревоги. А когда связь с ним пропала, мы с дозорными забеспокоились и бросились спасать нашего малыша.

– Хочешь сказать, это была Герда?

– Больше никому.

– Но мы же сразу оцепили вокзал.

– Этот поезд шел с другого вокзала!

– Есть информация, что на Ладожском была всего лишь Светлая с похожими приметам.

– Дружок, если есть хоть крошечный шанс, что это она, – я не отстану.

Тайпан закатил глаза к небу:

– Ладно, это не важно. Мальчишки в поезде все равно нет.

– Как нет?

– Он в Москве, с отцом.

– Ты уверен? Кто тебе сказал?

– Не важно. Я приказываю – перевозим штаб в Москву. Питерские дозорные продолжают поиски на месте.

Дориан некоторое время молчал. Было слышно, как в трубке завывает ветер.

– Я пойду за поездом и за девкой, – сказал он мрачно. – Гелла поможет мне. Это личное, пойми.

«Черт бы тебя драл», – хотел ответить Тайпан. Он ненавидел в подчиненных непослушание. Но, во-первых, Дориан хоть формально и признал его старшинство – все равно действовал сам по себе. А во-вторых... почему бы нет. Пусть делает что хочет. Он любит странные забавы с женщинами – живыми и мертвыми, но это его дело. Тайпан за него не в ответе. А если Светлые прибьют Дориана – тоже не беда. Присутствие этого психопата поблизости нервировало.

– Удачи тебе, дружок, – сказал шеф Особого отдела Дневного Дозора, отключая смартфон.

* * *

Москва, Алтуфьевское шоссе

20 сентября 2015, 08:30

– Что *они* будут делать, если схватят Нелли? – спросила Валентина.

Матвей не ответил. Он смотрел в окно мчавшегося на север автомобиля – шоссе по случаю утра воскресенья было почти пустым.

– Что, если они уже взяли ее? – продолжала девушка, включая поворотник и перестраиваясь в правый ряд для поворота на МКАД.

– Если до нее доберется Дориан... то остается надеяться, что она успеет убить себя. Но если б она покончила с собой – я бы почувствовал.

– А мальчик?

– Я погибну, но спасу его. Он мой сын.

– Погибнуть всегда успеешь. Если за этим стоит Завулон – то и Гесер не останется в стороне.

– На Гесера я не надеюсь.

– Зря. Вся твоя жизнь от рождения, возможно, идет по его плану – а ты об этом даже не догадываешься.

– Возможно, вся наша жизнь – чей-то художественный вымысел.

– Я серьезно, Кот.

– И что мне делать, Валя? Ждать возвращения Гесера?

– Мы не можем помочь тебе открыто. С тех пор как Артем Локшин рулит в Инквизиции, мы под колпаком. Не забывай: он четыре года возглавлял наш Особый отдел до меня, пока не решил, что Свет ему не подходит, – и прекрасно знает Дозор изнутри. Поэтому никаких резких движений. Есть мой отдел, это мои ребята, «лужниковские». Остальных к нашему делу не привлекаем. Во-первых, в Дозоре могут быть информаторы...

– Шпионы Темных? Хорошая шутка.

– Шпионы Инквизиции. Ее методы теперь тоньше и в то же время наглей. Во-вторых, мы пока сами до конца не понимаем, с чем имеем дело. Твой мальчик может быть опасен как для них, так и для нас.

Матвей хотел возразить – но встретил спокойный взгляд Вали и осекся. Она была кругом права.

– Жаль, Артем ушел от нас, – задумчиво проговорила Светлая, – он один стоил десятка опытных оперативников. Но есть ты, есть я, есть Марина. Солдат из нее не самый сильный, однако ее шестое чувство, интуиция, феноменально развито. Еще трое бойцов, все хорошие стрелки и искусные маги четвертого-третьего уровня. К несчастью, один из моих ребят, Геннадий, погиб этой весной... при обстоятельствах, не исключающих убийство. Он вырос только до пятого уровня, зато был великолепным стрелком, лучшим из всех. После его смерти мы все стали осторожными до тошноты.

– Что насчет Темных? У них тоже есть Особый отдел?

– Разумеется, и сильнее нашего. Есть разные точки зрения на мотивы Завулونا, приведшего тогда в «Лужники» именно нас. Но нет сомнений – если бы мы все были сейчас в его лагере, перевес сил Тьмы стал бы подавляющим. Скифу удалось испортить этот план, но смотри: самый сильный из нас, Локшин, предал Свет. Другие наиболее крепкие бойцы оказались у Завулونا. Гена погиб. Теперь они наступают, мы защищаемся. Ты слышал о Тайпане?

– Очень мало.

– Маг-перевертыш первого уровня. Любимчик Завулونا... В конце девяностых в Москве бесследно исчезали молодые здоровые ребята и девушки. Знаешь, есть способы быстро накачать Иного Силой и поднять его уровень. Но нужно много жертв. Скиф потратил годы на это расследование – но концов не нашел.

– По-твоему, Завулон так подставился ради этого парня?

– Это версия. Живых свидетелей мы не обнаружили, а мертвые не слишком разговорчивы. Правая рука Тайпана – Азиз. Живая машина для боя. Его, конечно, тоже прокачали – до второго уровня. Я помню «Лесную сказку» и этих мальчишек. Они не были гениями ума и физической силы. Им помогли. Теперь ни ты, ни я не сможем противостоять в бою ни Тайпану, ни Азизу. Разве что Скиф или сам Гесер...

– Кого еще стоит остерегаться?

– Компьютер, – скомандовала Валя, – досье шестнадцать.

На приборной панели вспыхнул экран, развернулось досье – фото и немного текста. Гордеев взгляделся в холодное отстраненное лицо Тайпана, затем – в бесстрастное, будто каменное лицо гиганта Азиза. Следующим на экране возник рыжеволосый молодой Иной с легкой надменной усмешкой на устах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.